независимый
религиозно-общественный
журнал

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Выпуск 11

РИГА, 1990

Лев Толстой:

"В каждом человеке живёт, проявляется Бог, это не слова, это несомненная истина. Так надо и жить по ней. А что значит жить по ней, по той истине, по которой Бог живёт в каждом человеке? Значит то, что при встрече, при общении с человеком помнить, что я имею дело с проявлением Бога, то есть при всяком общении с человеком быть в торжественно набожном, молитвенном настроении. Общение с человеком - это таинство общения с Богом".

—

Уильям Пенн (1692):

"Давайте попробуем, чего можно достичь посредством любви, ибо, если люди поймут, что мы идём к ним с любовью, то мы скоро увидим, что они не будут причинять нам вреда... Сила может подчинять, но преимущество остаётся за любовью, и лавры достаются тому, кто прощает первым".

—

Мартин Лютер Кинг:

"Будем же любить своих врагов, потому что любовь - это единственная сила, способная превратить врага в друга!"

—

Махатма Ганди:

"Мы должны стараться в своей сознательной жизни делиться друг с другом всем лучшим, увеличивая тем самым сумму человеческих усилий в приближении к Богу".

—

Копию этого письма автор предоставил нашей редакции с позволением поместить его в журнале. Печатается в сокращении.

ДМИТРИЙ ИВАНЮТЕНКО

ПИСЬМО К ДРУГУ

Получив от тебя письмо, я, как видишь, не стал спешить с ответом и всё это время от случая к случаю писал его в голове. Теперь попытаюсь изложить написанное на бумаге.

Истина одна, но к постижению её люди идут разными путями. Ты прав, что полного совпадения мнений у свободомыслящих людей быть не может, как не может быть двух одинаковых растений в лесу, хотя все они тянутся к свету. Спор - это удел ортодоксов и догматиков, когда стороны считают свою позицию единственно правильной и непоколебимой. Поэтому в спорах не рождается истина. Истина рождается там, где люди пытаются понять друг друга, найти что-то общее - тот свет, который для всех один.

Ты расшевелил меня своим письмом, пробудил сомнение и работу мысли, а значит движение и жизнь, за что тебе большое спасибо. Я, не вступая в спор, постараюсь высказать своё мнение по поднятым тобой вопросам, которое будет правильным - н о т о л ь к о д л я м е н я и т о л ь к о в м о м е н т н а п и с а н и я п и с ь м а.

Мне видится, что всё человечество и окружающая нас среда и космос - это есть один неразрывно связанный, постоянно развивающийся живой организм. Я человек религиозный и верю, что развивается он не беспорядочно, а по определённому Высшему закону, который мы можем чувствовать /и не только мы, люди, но и животные, и растения/, но понять до конца, а тем более изменить его мы не в состоянии.

Однако в отличие от того дерева, которое не задумывается над правильностью своей жизни, а просто растёт так, как ему удобнее, человеку дано сознание, которым он повернет и направляет свою жизнь - как в лучшую, так и в худшую сторону. И зачастую, вместо того, чтобы свободно развиваться на отведённой ему судьбой делянке, познать радость движения к Богу, человек, заглушив в себе чувство того Высшего закона, который одни называют стремлением к гармонии, а другие голосом Разума, Совести и Любви, употребляют усилия своих мыслей на служение телесным прихотям и тем самым калечат жизнь и себе, и другим людям, и животным [illegible] ниям.

Во всяком живом существе заложено духовное начало [illegible] мое чувство Высшего закона развития или чувство Бога. [illegible]

своё духовное начало - не на словах, а на деле,- человек познаёт и смысл своего существования и смысл существования человечества не в производстве предметов роскоши, поисках термоядерной энергии, завоевании земель и строительстве гигантских сооружений, а в стремлении построить свою жизнь соответственно Высшему закону, то есть в увеличении в себе и вокруг себя Разума, Совести и Любви, то есть в приближении к Богу. И этот процесс совершенствования не имеет границ как для отдельно взятого человека, так же и для всего человечества, так же и для всей Вселенной.

Вечное чувство Бога заложено в бренное человеческое тело /так же, впрочем, повторюсь, как и в жизнь любого живого существа/, и познавая это чувство /духовно развиваясь/, мы не можем не изменять и материальную жизнь свою, тем самым влияя на жизнь окружающую, и это влияние в з а и м о о б р а з н о. То есть изменяющаяся жизнь, окружающая нас, меняет и нашу окружающую жизнь, которая, в свою очередь, замедляет или убыстряет наше духовное развитие.

В борьбе двух начал - духовного и телесного, Божеского и животного, вселенского и эгоистического, общего и частного - и есть жизнь человеческая. Тогда как стремление первого - в заботе обо всём мире, стремление второго - в заботе только о себе.

Некоторые люди склонны представлять эту борьбу как соперничество сил божественных и сатанинских, подразумевая в первом случае несомненное добро, а во втором - такое же несомненное зло. Но это не так. Можем ли мы называть телесное начало злом, когда без него нет борьбы, а значит и не будет жизни? Нет, телесное начало не зло, а необходимое условие жизни человеческой.

Но что есть "Я"? Мой темперамент, характер, способности, всё то, что даётся от природы и определяется комбинацией генов, - всё это телесное и несомненное умирает вместе с телом. Сознание? Но оно не есть что-то неподвижное, оно развивается, притупляется, перестраивается в течение всей жизни. Завтра я буду думать не так, как вчера, а годы спустя - тем более. Так какое же из моих сознаний будет жить вечно: детское, юношеское, старческое? Может быть "Я" - это моя душа, то чувство Высшего закона развития, стремления к всеобщей гармонии? Но это общее.Оно - в разной мере, но одно и то же,- присутствует во всех нас. Это Бог. И вот в бессмертие этого общего, в бессмертие Разума,Совести и Любви, в бессмертие Бога я верю и не могу не верить.

Когда я обрёл веру, жизнь моя изменилась. Я нашёл такое богатство внутри и вокруг себя, о котором раньше и не подозревал. Я независимо от обстоятельств стал счастливым человеком. И вот парадокс: ещё больше полюбив жизнь, я перестал бояться смерти.

"Мы тоже любили жизнь и всех людей, которыми жизнь наша была красна и которые умоляли нас прекратить борьбу. Каждое биение нашего сердца громко взывало к нам: живи! Но для исполнения закона жизни мы предпочли смерть." - Джузеппе Мадзини

Конечно, хорошо писать о смерти, сидя за столом в уютной комнате. А ну-ка тебя в тюрьму, а завтра виселица? Не знаю. По крайней мере теперь я не обливаю по ночам подушку слезами, а в день рождения не грущу и не злюсь, что мне столько-то лет, а испытываю тихую радость.

"Стремление к совершенству даёт благо человеку, которого он ищет. Благо это не может быть отнято у человека и ничем не нарушимо. Страх смерти - это суеверие. Нужно удерживать себя, чтобы не желать смерти. Смерть не зло, а одно из необходимых условий жизни".- Лев Толстой.

Но для чего? Для чего эти смерти, моря крови и слёз, унижения, издевательства, пытки? Неужели просто так, без конца и без края, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем?

Если всё то зло, что творилось на земле, творилось неспроста, то единственно для того, чтобы люди поняли всю неразумность насилия над другими людьми, с какой бы благой целью оно ни проводилось, поняли, что никакие репрессивные органы не в силах остановить и преодолеть эту цепь насилия, потому что никто не может знать, что нужно для блага каждого отдельного человека. А зачастую, блуждая во тьме ложного общественного мнения, заглушающего голос совести, не знает и он сам. Для блага не надо ничего изобретать и выдумывать. Надо лишь остановиться, уединиться, заглянуть в себя и спросить: "Кто я есть?" И услышать вечный голос Божий и познать один немеркнущий, не подлежащий никаким реформациям и не придуманный никем закон, который неодинаково записан в религиях разных народов, но понимается всеми одинаково как закон Любви.

> "С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке /в каждом человеке/. Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить..." - Александр Солженицын.

Ступив однажды на этот путь - путь каждодневной борьбы со своим телесным "я",- ты не сможешь не идти по нему и дальше,хотя дорога будет бесконечна и неимоверно трудна и с каждым продвижением вперёд потребуется всё больше самоотречения, но взамен ты получишь совершенную, ни с чем не сравнимую божественную радость, доступную человеку.

Я постарался высказать словами, как мог, в чём заключается моё мировоззрение, кем вижу я себя в этом мире, и в чём вижу свою жизнь и благо жизни.

Теперь о реалиях. Ну, во-первых, что значит легче жить? В политическом смысле это обычно понимается так, чтобы меня как можно меньше тиранили за мои убеждения. Думать так, как я хочу, и поступать в соответствии со своей совестью мне помешать никто не может. Но при одном государственном устройстве такие поступки могут стоить мне жизни, тогда как при другом сойдут безболезненно. Выходит, надо добиваться такого государственного устройства, при котором меня за моё право жить по совести не покарают и не обнесут дарами? А может ещё и согреют теплее, чем других ?

Н о н е п о х о ж е л и э т о н а т о р г о в л ю с в о и м и у б е ж д е н и я м и, на готовность замолчать и притвориться, если ситуация будет против? Не говорит ли это не о стремлении к самоотречению, а наоборот, о заботе прежде всего о себе, о своих прихотях, о своём выводке?

Жить и умереть по-христиански возможность есть везде,в любой стране мира, при любом государственном устройстве. Если же желать себе материальных благ, то тут политическое устройство действительно имеет значение. Только не надо кривить душой и говорить, что хочу и того и другого: жить и по-христиански и в условиях наивысшего материального благополучия.

Попробуем ещё реальнее. Что, если завтра появится кандидат в депутаты, который в своей программе будет ратовать за отмену смертной казни и воинской повинности, скорейшую конверсию военной промышленности, создание сети вегетарианских столовых и так далее...- всё то, в чём я вижу благо человечества,- пойду ли я голосовать за него? Нет, не пойду. Потому что,какие бы чудесные замыслы ни несли в себе самые распрекрасные законы, они не способны искоренить зло, так как сами, будучи против воли навязанными кому-то, несут в себе насилие. И не так уж важно, меньшинство ли навязало свои законы большинству или большинство - мень-

шинству. Я не хочу участвовать ни в том, ни в другом насилии.

"Добро с того момента, когда оно предписано, становится злом с точки зрения нравственности, с точки зрения человеческой свободы и достоинства. Свобода, нравственность и достоинство человека заключается в том, что он делает добро не потому, что это ему предписано, но потому, что он признаёт его, стремится к нему, любит его".- Михаил Бакунин.

И ещё. Подобно тому, как человечество должно было пройти через все ступени своего развития от первобытного стада до теперешних государств, оно должно будет преодолеть ещё множество разных ступеней на своём пути. И никто не может знать, какое государственное устройство, какая система отношений нужна в данный момент, в данном уголке земного шара, данной группе людей. Попытки перепрыгнуть в будущее путём ли насильственного устройства жизни людей по лучшему образцу или искусственного создания всех условий для процветания в истории уже были неоднократно, и всё закончилось провалом.

Но это не значит, что можно уйти от всех земных дел и с космической высоты взирать на "суету сует". Этакий вариант лыковщины без ухода в таёжную глухомань. Нет. Да это и невозможно, если мы говорим о воспитании любви в себе. Любовь не может быть теоретической или практической. Если она есть в тебе, то она обязательно будет проявляться в твоих поступках, и чем больше её в тебе, тем она активнее будет проявляться. Но это будет не та кричащая в глаза политическая активность. Нет, это будет активность помощи старушке войти в автобус, дойти до дома, помощи дереву пережить засуху, помощи сомневающемуся, растерянному обрести веру. Это будет такая тихая, незаметная даже для тебя самого активность, но единственно нужная окружающим тебя людям и Богу.

Распространение религии Любви. Не агитацией или каким-то навязыванием своих взглядов, а стремлением поделиться тем, что самому доставляет наибольшую радость и в чём видится смысл жизни.

Теперь о жизни в городе. Города мстят человеку. Мстят загазованным воздухом, давкой в транспорте, потерей времени на переезды, бессмыслицей никому не нужного вредного труда. Трудно представить более дикую картину, чем утром в автобусе, когда народу много, все стоят плечом к плечу и все м о л ч а т. Как далеки они в этот момент друг от друга! Людям, чтобы сохранить свою человечность, надо жить среди природы.

Впрочем, где жить, я думаю, вопрос не принципиальный. Хорошо и то, и другое, и третье. Каждый выбирает по своим склонностям и возможностям, по своему характеру.

Я много размышлял о создании земледельческой коммуны. Одно время я видел чуть ли не целью своей жизни организацию такой образцовой ячейки общества, где жизнь была бы честной и счастливой. Как хорошо жить с открытой в доме дверью без страха, что тебя обворуют, как хорошо жить с открытой людям душой, без страха, что тебя не поймут и осмеют, как хорошо и радостно трудиться сообща не ради денег, а ради любви к труду, порядку, красоте. Как хорошо дарить свою любовь окружающим тебя, принимая в ответ их взаимную любовь! Но не та же ли это "удобная постель и покойная подушка", не попытка ли уйти от "всех противоречий своего бытия"? Не открытая ли это дверь в квартиру при закрытой двери подъезда, и не закроется ли твоя душа для Бога, открывшись для немногих людей? Вот в чём вопрос. Если мы целью объединения видим служение делу любви, а значит нравственное совершенство-

вание, самоотречение, то всего этого можно добиваться и не собираясь в кучу. И даже чем в менее нравственной среде ты живёшь, тем больше у тебя возможностей для самоотречения. Хочешь служить людям - иди в самую клоаку жизни к заблудшим и озлобленным и свети им, сколько хватит сил твоих. Врач же не должен бежать от больных, учитель - от неграмотных. Христос не бежал от людей.

Однако люди близкие по духу всё равно притягиваются друг к другу и испытывают радость от общения. Может, это происходит от слабости Любви в них? А духовное объединение усиливает людей, и там, где один слаб и немощен, несколько - уже крепки и непобедимы.

В этом вопросе - как жить? - не может быть рецептов. Каждый решает сам, взвешивая свои духовные силы. Тут важно - ещё раз повторю - верное устремление, постоянное недовольство собой и работа над своими слабостями. Надо стараться брать ношу по силам, не отчаиваться, если не получилось, и не бояться ошибаться.

1990 г.

г. Новосибирск.

ИЗ ПОЧТЫ «ЯП»

В редакцию нашего журнала иногда приходят и письма из мест, ограниченных высокими стенами, решётками и колючей проволокой. Различны судьбы пишущих, но неизменно печальны и горьки. Тем не менее, в каждом человеке - как бы он ни жил и где бы он ни находился - одна душа во всех, в каждом - неоценимое сокровище, которое люди сами или отвергают и не желают о нём знать, или ищут с дающей силу жизни надеждой, находя иногда сразу ослепительный свет, иногда - лишь какие-то лучи этого же света. То же, несмотря на все трудности и, порой, нечеловеческие взаимоотношения, происходит и в местах лишения внешней свободы. Повсюду жизнь.

"...В моей жизни был маленький случай. Как-то, идя со школы, на мостовой возле того дома, где я жил, я повстречал кошку. Я зову её: кис-кис! - она на меня смотрит, но идти ко мне не желает. Я тихонько начал идти по направлению к ней, но она насторожилась и хотела убежать. Тогда я присел на корточки. Я знаю, она меня поняла, - поняла, что плохого я ей ничего не сделаю, так как я в её глазах стал на ту ступень...

торая нас с нею соединяет в равенстве друг перед другом. Кто не любит окружающий мир, тому этого не понять...

Над землёй кровавый туман
И курганы зарытых костей...
Человек! Для чего ты - обман?
И наган твой направлен в людей?!
Бьётся оземь подраненный голубь,
На бойню гонят овец...
Всё живое ты превращаешь
В массу
каменных сердец...

Извините меня, ради Бога!
Что звездою не стал...
На душе чёрный камень хранится -
Я его не искал.
Не искал я спасения в сладком,
Не искал я спасенья во лжи...
Если жизнь к вам бедой обратится,
Отворите двери души.
Отворите, примите, согрейте,
Жизнь поймёт, что ей - друг, и что - враг.
Даже камни, рукою согретые,
На ладонях живут и звучат.

...Земля, на которой мы живём, тянется к нам для братства своими руками-цветами. Земля - живая, у неё так же есть сердце, душа, глаза, уши - весь мир животных. Мы же, старшие их братья, топчем её белой тенью - химией, убивая этим своих детей в прямом смысле слова, и в кромешный ад превращаем цветущий рай!

Не строя миф врага в народах
Мы будем жить!
Не превращай родную землю
В кровавый щит!
Возьми себе златую цепь лишь трёх имён:
Надежда, Вера и Любовь.
И мир спасён..."

Василий Назаров.
/Покров - Новочеркасск/

Публий Овидий Назон

/ 43 г. до н.э.- 17 г. н.э./

Полно вам, люди, себя осквернять недозволенной пищей!
Есть у вас хлебные злаки; под тяжестью ноши богатой
Сочных, румяных плодов преклоняются ветви деревьев;
Грозди на лозах висят наливные; коренья и травы
Нежные, вкусные зреют в полях; а другие -
Те, что грубее,- огонь умягчает и делает слаще;
Чистая влага молочная и благовонные соты
Сладкого мёда, что пахнет душистой травой - тимианом,
Не запрещается вам. Расточительно щедро все блага
Вам предлагает земля; без жестоких убийств и без крови
Вкусные блюда она вам готовит.
Лишь дикие звери
Голод свой мясом живым утоляют; и то не все звери:
Лошади, овцы, быки - ведь травою питаются мирно,
Только породы свирепые хищников: лютые тигры,
Львы беспощадно жестокие, жадные волки, медведи
Рады пролитию крови...
И что за обычай преступный,
Что за ужасная мерзость: кишками - кишек поглощёнье!
Можно ль откармливать мясом и кровью существ нам подобных
Жадное тело своё и убийством другого созданья,
Смертью чужою - поддерживать жизнь?
Неужели не стыдно
Нам, окружённым так щедро дарами земли благодатной,
Матери нашей кормилицы,- нам - не животным, а людям,-
Жадно зубами жестокими рвать и терзать с наслажденьем
Клочья израненных трупов, как лютые дикие звери?
Разве нельзя утолить, не пожертвовав жизнью чужою,
Люди, ваш голод неистовый, алчность утроб ненасытных?

Чем свою смерть заслужили
Вы, безобидные овцы, незлобные, смирные твари,
Людям на благо рождённые? Вы, что нас поите щедро
Влагой сосцов благодатных и греете мягкой волною,
Вы, чья счастливая жизнь нам полезней, чем смерть ваша злая?
Чем провинился ты, вол, предназначенный людям на помощь,
Ты, беззаветно покорный товарищ и друг хлебопашца?
Как благодарность забыть, как решиться жестокой рукою
Острый топор опустить на послушную, кроткую шею,
Стёртую тяжким ярмом? Обагрить мать-кормилицу землю
Кровью горячей работника, давшего ей урожай?..
Страшен ваш гнусный обычай и скользок ваш путь к преступленьям,
Люди! Убить человека нетрудно тому, кто, внимая
Жалким предсмертным блеяниям, режет телят неповинных,
Кто убивает ягнёнка, чьи слабые вопли подобны
Плачу дитяти; кто птицу небесную бьёт для забавы
Или - нарочно,- своею рукою вскормив, пожирает!
С вашей привычной жестокостью рядом стоит людоедство!
О воздержитесь, опомнитесь, я заклинаю вас, братья!

Не отрывайте убийством от плуга вола-земледельца;
Пусть он, служивший вам верно, умрёт не насильственной смертью;
Не истребляйте стада беззащитные: пусть одевают,
Греют вас мягким руном и поят молоком своим щедро,
Мирно живя, умирая спокойно на пастбищах ваших.
Бросьте силки и капканы! Не трогайте пташек небесных;
Пусть, беззаботно порхая, поют нам о счастье и воле.
Хитросплетённые сети, крючки с смертоносной наживой
Бросьте! Доверчивых рыб не ловите обманом коварным,
Уст человеческих кровью созданий живых не скверните;
Смертные,- смертных щадите!
Питайтесь дозволенной пищей -
Пищей, пригодной для любящей, чистой души человека.

ИЗ ПОЧТЫ «ЯП»

"...Помню, это было как-то весной. Ехала открытая машина. В ней стояли телята. Их везли на бойню. Они, бедные, наверное смутно сами об этом догадывались. Машина мчалась, было очень тепло, и телята жмурились от солнца. Люди накануне выходного дня делали покупки, а телят ждало мрачное холодное помещение, жестокость, злоба. Их ждала смертная казнь. Люди равнодушно смотрят на проезжающий "воронок", в котором в духоте набиты заключённые; равнодушно,пока сами туда не попадут. Так же равнодушно бросят взгляд на "скотовозку" с телятами-несмышлёнышами..."

М.Казаков,
Москва.

ВИТАЛИНА ТХОРЖЕВСКАЯ

ЦЕПЬ ЗЛА

"Каждый охотник желает знать,
где сидит фазан".

Но
Каждый охотник знает:
Там, где встречаются снег и зверь,
Образуется свежий след -
Рана на теле снега,
Ведущая в логово зверя -
До красного пятнышка на снегу.

Каждый охотник знает:
Зло образует белую цепь -
Зверь, ранящий снег,
Снег, рисующий след -
Белую цепь предательств -
До красного пятнышка на груди.

Каждый охотник знает:
Человек, ранивший зверя
Или убивший его,
Размыкает цепь белого зла,
И красная лента ползёт
По снегу за ним, как змея.

Зло переходит в дом
Убившего - белой опалой зимы,
Вьюгой полночных волков,
Криками стонущих птиц...

И размыкается зло
/Если б охотник знал!/
Единственным в мире путём:
Раня некошенный снег,
Кто-то уходит на крест...

1989 г.
Свердловск.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ОБЩИНЫ

Сложилось устойчивое мнение о том, что Толстой безоговорочно призывал к объединению в земледельческие общины - или коммуны, как теперь чаще говорят. Разумеется, он не отрицал такую форму жизни, но, как это ни покажется странным и неожиданным, всё было не так однозначно. Приводимые ниже отрывки из писем возможно явятся важной и полезной пищей для размышления и внесут некоторую ясность относительно того, что же Толстой действительно имел в виду.

"...Собраться в отдельную общину признающих себя отличными от мира людей я считаю не только невозможным /недостаточно ещё привыкли к самоотвержению люди, чтобы уживаться в таком тесном единении, как это показал опыт/, но считаю и нехорошим: общиной христианина должен быть весь мир. Христианин должен жить так, как будто все люди - какие бы они ни были - были такие же, как он, готовы не на обиду и своекорыстие, а на самопожертвование и любовь..." - 1895 г.

"...Мне кажется, что большая доля зла мира происходит от того, что мы, желая видеть осуществление того, к чему мы стремимся и ещё не готовы,- довольствуемся подобием того, что должно быть.

Насильническое государственное устройство есть ведь не что иное, как подобие благоустройства, которое поддерживается тюрьмами, виселицами, полицией, войском, домами труда. Ведь благоустройства нет: только скрыто от взгляда по тюрьмам, ссылкам, трущобам - то, что нарушает его. И я думаю, что болезнь оттого так долго не излечивается, что она скрыта.

То же самое и община. Она тоже подобие. Община святых людей среди грешников не может существовать. Я думаю, что членам общины для того, чтобы соблюсти подобие святости общины, непременно приходится делать много новых грехов. Мы так сотворены, что не можем стать совершенными ни поодиночке, ни группами, а непременно все вместе.

Всякое согревание одной капли передаётся всем остальным. Если же можно уберечь тепло одной капли, не давая сообщаться другим каплям и потому не остывать, то это, значит, не настоящее тепло.

И потому думаю, что если наши друзья всю ту долю внимания

и энергии, которую они направляли на поддержание внешней формы общения между собой, направят на внутренний духовный рост, то это будет лучше и для нас и для дела Божия. Община и внешнее устройство, мне кажется, тогда только законно и полезно, когда оно есть неизбежное последствие внутреннего состояния..." - 1896.

"...На ваш вопрос о том, где живут последователи учения Христа, отвечаю тем, что такие исполнители по силам учения Христа, т.е. учения истины, рассеяны по всему свету. Я имею счастье знать многих и не думаю, чтобы для человека, желающего жить по-Божьи, нужно было бы жить с такими же людьми в общине. Думаю, напротив того, что каждому человеку, желающему исполнить в своей жизни волю Бога, надо жить там, где его застала его просветление, и в той среде, где он живёт, стараясь всё больше и больше развивать в себе божественное начало. А это можно везде. И чем успешнее будет такой человек приближаться к Богу, тем полезнее будет его жизнь для окружающих его людей..." - 1908 г.

"...Живо интересуюсь вашей жизнью, преимущественно духовной, потому что телесная жизнь всегда будет последствием духовной. Та перемена, которая произошла в вашей вещественной жизни, особенно явно подтверждает это. Всей душой сочувствую вашему поступку освобождения себя от собственности и вашему началу жизни на новых основах, и очень интересуюсь не внешними успехами вашей общины, а тем духовным движением, которое жизнь в ней вызовет, в её членах и в особенности в вас, её учредителе. Знаю и предвижу большие трудности в осуществлении общинной жизни в маленьком оазисе среди пустыни людей, живущих иными основами, но уверен, что все эти и многие другие трудности общинной жизни, которые вы, вероятно, уже испытали и испытываете, не только не ослабят в вас тех основ, которые привели вас к общине, но только усилят их.

То, что я написал, похоже на то, что я хожу вокруг да около, не желая сказать всего, что думаю. И потому постараюсь сказать всё, что думаю. Думаю же я об общине вот что: Высшее благо, совершенство, к которому мы все стремимся, в том, чтобы любить Бога и Его проявлении во всём, особенно же в таких же, как мы, существах, в людях, и любить одинаково, равно всех. В этом идеал страшно далёк от всех нас, но всё-таки такой, к которому нельзя не стремиться... Любим же мы не только отца, мать, жену, сестру, дочь, детей больше других, но любим, не можем не любить больше исключительно милых, умных, добрых, смиренных, тогда как надо бы наоборот. И на эту - так как дело любви и закон любви - высший закон жизни, - на эту равную любовь ко всем людям должны бы быть направлены все наши силы. И что же мы делаем?.. Не только признаём свою принадлежность народу, сословию, государству, вере, не только любим больше добрых, приятных, но устраиваем себе... ещё новый, избранный кружок людей, общину. Вот это, я считаю, дурная сторона общины. Она выделяет известных людей от всех остальных. А этого не надо, и это жалко. И она ещё даёт иллюзию того, что я не участник в зле мира.

Всё это я говорю не потому, что я осуждаю общину. Я признаю, что, как вы говорите, община есть переходная ступень, есть одно из средств выхода из явно преступного положения жизни чужими трудами. Я только указываю на опасности общины..." - 1908 г.

/Ответ на письмо крестьянина, писавшего о стремлении жить братской общиной/.

"...Для того, чтобы жизнь была такая, какую вы желаете и желают все разумные люди, такая, чтобы люди не ездили друг на дружке, а жили бы по-братски, помогая друг другу, для этого нужно не устраивать общины, отделяясь от всех других людей, а нужно там, где живёшь и с кем живёшь, стараться жить по душе, по-Божьи, по учению Христа, а не по учению мира. Общин устраивалось много, но все люди в общинах живут не лучше, чем в миру, а часто даже и много хуже.

"Царство Божие внутри вас есть". Это значит, что для того, чтобы наступило царство Божие, надо каждому прежде всего установить его, царство Божие, в себе, в своём сердце. Ни один человек и никакие люди не могут устроить царство Божие на земле. Одно, что могут и должны делать люди, это жить так, чтобы приближалось царство Божие не для нескольких людей, не для одной части людей, а для всего рода человеческого. И это самое - то, что нужно для того, чтобы пришло царство Божие, - исправлять самого себя - может делать каждый человек. И в этом жизнь каждого человека. И в этом же и истинное благо.

Советую вам и вашим друзьям оставаться жить в своих семьях и своём обществе и, живя так, по-внешнему прежней жизнью, внутренне изменять себя, насколько можешь, исполняя учение Христа в том, чтобы любить Бога, т.е. совершенство, и ближнего, как самого себя. А для того, чтобы исполнять это учение, надо начинать с самого начала, как всходить на гору не миновать с самого низа. Исполнять это учение сначала хоть в том, чтобы не ссориться, не обижать, а прощать того, кто обидит; не только не драться, но не ругаться; не осуждать, не пить, не курить, не распутничать, не лгать, не завидовать, не участвовать в злых делах, вообще слушаться не своих похотей, не людских желаний, повелений и советов, а слушаться только Бога и своей совести. И только начни жить так, и увидишь, что везде можно жить для души, по-Божьи, и что для этого не нужно никаких общин". - 1910 г.

"...По моему мнению, жизнь человека, желающего жить по учению Христа, никак не может проявляться в каком-нибудь одном известном положении в жизни, как например, жизнь в общине, жизни в работниках у крестьянина, жизни пустынника, или какой бы то ни было форме жизни. Всё дело в том духовном состоянии, в котором находится человек, и в той работе, которую он производит над собой для того, чтобы осуществить в жизни ту истину, ради которой он живёт.

...Если же человек вообразит себе, что он может устроить себе такую жизнь, при которой он будет свободен от всех грехов и соблазнов, то он будет только обманывать сам себя и, направив свои силы на внешнее устройство, вместо того, чтобы направить их на внутреннюю работу, только ослабит возможность совершенствования. Ошибку эту делают многие, самое обыкновенное при устройстве общин...

Всё дело - во внутреннем, духовном усилии, а про чего знает только Бог..." - 1909 г.

«««««««««««««««««

НЕЛЛИ ЛИ ХОЛТ

С МАХАТМОЙ ГАНДИ

Моя мать и я были в гостях в Сабармати в Западной Индии у маленькой сморщенной индусской женщины, которая с простым непринуждённым достоинством носит великое имя миссис Мохандас К.Ганди. Теперь мы едем в Вардха, центральную провинцию, в любимый ашрам самого Ганди. В Суруте мы должны были пересесть в другой поезд. Кто-то назвал моё имя.Это был начальник станции с телеграммой: "Добро пожаловать, американские друзья. Ганди",- прочли мы с удовольствием.

Было темно, когда мы прибыли в Вардха. На станции теснились индийские рабочие. Нас встретили два молодых человека в развевающихся одеждах из белой домотканной материи. Все мы четверо и наши вещи быстро оказались в тонге - двухколёсной повозке с сиденьями

Перевод Е.Горбуновой /до 1928 г./

спиной к спине - которую везли белые быки; на ошейниках их позвякивали колокольчики. На месте возницы сидел индус в крученом тюрбане, казавшемся тёмнозелёным в мерцающем свете фонаря. Мы ехали через деревни к ашраму около трёх миль. Очертания глиняных домиков деревни терялись в темноте или вырисовывались силуэтом около костров, у которых, завернувшись в покрывала, спали люди. Собаки вскакивали у костров и бежали за нашей повозкой. Мы ехали по дороге, окружённой эвкалиптовыми деревьями и чинарами. Под ними виднелись стада буйволов. Мы приближались к открытому лугу, перерезанному двумя рядами домиков с плоскими крышами, а дальше, точно белая тень, выступало из темноты большое здание. Первый этаж этого строения, собственно ашрам, был низкий и широкий. Верхний этаж был похож на маленький ящик, поставленный в другой, в пять раз его больший.

В окне комнаты верхнего этажа горел свет. "Бабу ещё работает"- сказал один из молодых людей другому. Мы знали, что "Бабу" - это полный духовного бесстрашия индус Мохандас Карамчад Ганди.

Вот мы с матерью одни в нашей комнате в Сатигра Ашрам, как раз под комнатой, где работает Ганди. Нашей лампой был фонарь, с которым мы ехали со станции. В комнате чистые белые стены, две кровати, большие, похожие на низкие столы, без матрасов. Две полки, заменяющие туалетный столик, и два окна... Всё погружено в глубокую тишину, нарушаемую лишь дыханием спящих снаружи ашрамитов да лаем шакалов на ближайшем лугу.

В 3 часа 30 минут нас разбудил звон колокола, похожий на пожарную тревогу. Надо готовиться к медитации, созерцанию, в 4 часа.

К нашему зданию через луг, точно танцующие светлячки, приближались фонарики. Ашрамиты собирались на большом балконе. Небо было ещё усеяно звёздами. Фонарики с убавленным светом стояли в ряд на краю большого балкона около ряда сандалий: ашрамиты не приближаются к месту медитации в обуви.

Тридцать мужчин и мальчиков и восемь женщин сидели полукругом, поджав под себя ноги, против маленького матраса, лежавшего у стены дома. Их худые смуглые плечи были закрыты покрывалами. Они сидели, согнув спины, склонив вперёд головы, закрыв глаза.

На балкон вышел индус, на котором была надета только набедренная повязка. Казалось, тело его не чувствовало холода. Он принёс фонарь, большую истрёпанную книгу и часы с будильником. Он сел и сбоку поставил будильник, а фонарь и книгу перед собой. Это был Винова - управитель ашрама, один из выдающихся индусских знатоков санскритского языка. Два молодых человека положили подушки на матрас около меня.

Человек с очень худой фигурой, закутанный в домотканное покрывало и обутый в сандалии с деревянными подошвами, которые стучали по твёрдому цементу пола, вышел из внутренней комнаты и сел, поджав ноги, на подушки. Я не могла видеть его лица, склонённого и скрытого широкими складками его покрывала. Мне была видна только часть его бритой головы, которая поднималась над большими ушами.

Винова прочёл несколько мест из священной книги индусов и под монотонный аккомпанемент покрытых для заглушения звука сукном барабанов пропел гимн приветствия наступающему дню.

После часа медитации мы пошли к колодцу, чтобы принести

воды для умывания. Затем её согрели в больших жестяных котлах на открытом огне. Мужчины предпочитают холодную воду, окатываются ею, разбрызгивая воду, и потом быстро растирают свою кожу цвета меди. Они стирают свою одежду и развешивают её на заборе сушиться. В это время они жуют какие-то короткие палочки и к тому времени, как закончат мыться, сделают из них маленькие щёточки, которыми они чистят зубы.

Их простой туалет окончен. Они готовы к первой еде - кипячёному козьему молоку и пресным лепёшкам ручного помола.

Два молодых человека, встретившие нас на станции, пришли проводить нас к завтраку... Один из них семь лет учился в Оксфордском университете. Другой был секретарём Сет Джумналаля Баджои, состоятельного человека, построившего это убежище для Ганди и его последователей. До появления гандистского движения несотрудничества с колонизаторами Сет Джумналаль пользовался своим состоянием для самого себя. С того же времени, как он примкнул к Ганди, он и его семья - жена и две дочери - живут суровой жизнью и отдают все свои доходы от бумагопрядильных фабрик общему народному делу.

Сет Джумналаль был как бы нашим гостем за завтраком в одном из домиков с плоскими крышами, где мы сидели на травяной циновке перед корзиной со смоквами и другими национальными яствами. Мы кончали чай, когда Джумналаль вдруг быстро поднялся и повернулся к двери. Тихо и с благоговением он произнёс: "Бабу идёт". В дверях появился человек, прямое, худое, точно совсем без мяса, смуглое тело которого было только частью покрыто короткой набедренной повязкой и покрывалом. Под длинным носом губы его улыбались. Его глубокие влажные глаза светились добротой.

- Ах, леди, будьте осторожны с тем, что вы здесь едите. Я не хочу, чтобы вы ушли голодными, но мне очень не хотелось бы, чтобы у вас было несварение желудка.- Он смеялся коротким, отрывистым смехом, как смеётся ребёнок, когда его щекочут.- Пойдёмте со мной пройтись по лугу.

Точно старые друзья, встретившиеся после разлуки, Ганди, ашрамиты и их гости шли по дороге, пересекающей поле. Солнце светило нам прямо в лицо. Отдалённое позвякивание колокольчиков на быках, быстрый ритм наших шагов, влажная высокая трава, пыльная поверхность дороги - всё это в опаловой дымке утра.

- Сладкий запах земли наполняет радостью моё сердце,-сказал Махатма Ганди, дыша радостно и глубоко.

Скоро мы были уже далеко в лугах. Дорога была покрыта глубоким слоем пыли. Ганди весело, по-мальчишечьи ступал на неё.

- Мне хочется чувствовать её между пальцами,- сказал он, снимая сандалии. Мы свернули с дороги, чтобы перейти на другую, которая вела назад к ашраму. Жёсткие стебли пересохшей травы хлестали нас по ногам и, цепляясь, вытягивали нити из наших шёлковых чулок. Я отцепила лист, запутавшийся в оборванной нитке. "Природа слишком сурова для тонких нитей вашей легкомысленности,"- сказал Ганди шутя. Вдруг он остановился. Он наступил на колючку. Кровь текла из его ноги. Я предложила ему носовой платок. "Нет, нет, это пустяки. Я не обращаю внимания на боль. Но, может быть, мне всё же лучше одеть сандалии, которые дал мне один друг. Они сделаны из шкуры коровы, умершей естественной смертью. Вот эти же как раз такие. Мне отвратительно думать, что я хожу на коже прекрасного животного, которое было

зарезано, чтобы потворствовать нашему комфорту. Восток давно считает священной всякую жизнь. Христос не учил этому, но я уверен, что он верил в это.

Мы вернулись в ашрам и остановились у дверей, ведущих наверх в комнату Ганди. Поднявшись наполовину, он повернулся и сказал:

- Будьте осторожны в пище здесь. Я никогда не забуду о том, как мне впервые пришлось жить на европейской пище,- он поклонился и ушёл наверх по лестнице.

Мы увидели всю жизнь ашрамитов. Они обрабатывали поля, молотили пшеницу для своего хлеба, работали над выращиванием, над очисткой семян, прядением и тканием хлопка. Они готовились учить жителей индийских деревень делать кхаддар - домотканную одежду, пропагандируемую Ганди. Все эти молодые люди горят этим национальным делом Индии и верят в политику Ганди: несотрудничество с существующим правительством и бойкотирование иностранных товаров. Одни из них учились за границей, другие вышли из национальных колледжей. Некоторые - сыны бедных крестьян. Как и Ганди, все они живут простой, суровой, возвышенно чистой жизнью.

После обеда мы сидели с Ганди, пока он прял на своей харка - прялке с маленьким деревянным колесом, какие употреблялись ещё две тысячи лет тому назад. Ганди сидел на своей подстилке, служившей ему и кроватью. Мы заговорили с ним о медитации.

- Вопрос в способе,- ответил он. - В вопросах духа есть только один способ обучения, и как раз его-то учителя всех религий часто забывают. Они предпочитают иметь дело с обычными способами обучения. Научить же действительно можно только примером.

- В чём по-вашему сущность христианства?- спросила я.

- В величайшем самоотречении, в торжестве духа над телом. И единственный действительный путь усвоения таких высоких идеалов лежит в свободном, незаметном для нас самих, наблюдении учеников за жизнью их учителя,- сказал Ганди.

- Но великие учителя редки. В чём величайшая черта их? - спросила я.

- Да, они редки,- ответил Ганди.- Главная черта их - следование словам: "Оставь всё и следуй за мной", исполнение этого призыва.

Когда Ганди окончил заданный себе ежедневный урок работы, он отодвинул прялку, видимо очень усталый.

В час перед сумерками, когда индусы едят во второй раз, люди ашрама собрались с нами для обеда в длинной, низкой комнате дома.

Вечером Ганди медленно ходил со своими друзьями и с нами. Мы шли по дороге через луг. Один из нас нёс фонарь, чтобы освещать обратный путь, если нас застанет ранняя индийская ночь. Сумерки, тишина и спокойствие. Никто не говорил много. Когда мы вернулись, Ганди предложил мне пройти в его комнату, чтобы там подождать вечерней медитации. Он устал. В этот день много посетителей приходило повидать его. Скоро должен был собраться Индийский Национальный Конгресс, а план действий на нём был ещё не вполне выработан.

Комната Ганди наверху была слишком велика, чтобы её мог осветить один маленький фонарь на краю низкой скамьи. Ганди сел за ним на свой тюфяк. Повсюду в беспорядке лежали бумаги. Сче-

та и бумаги лежали под скамьёй, завёрнутые в кусок зелёной материи. Он увидел, что я смотрю туда, и сказал: "Это мой сейф". В головах тюфяка был другой кусок материи, в который были завёрнуты куски сотканной ткани. - "А это мой сундук",- прибавил он, улыбаясь. Я подумала о количестве моего багажа и позавидовала его свободе. Шаль, которую Ганди накинул на прогулке, соскользнула с его худых, смуглых плеч. Я чувствовала всю глубину его усталости, когда смотрела, как он дышит. Плечи его сгибались, несмотря на его усилия держаться прямо. Всё его худое лицо как-то ещё более осунулось, и улыбка уже не светилась под его большим носом.

- Что даёт вам религия? - спросил он.

Я ответила:

- То, что открывает мне мой душевный опыт.

- Может быть вы правы, кто знает,- сказал он. - Каждый человек по-своему выявляет истину окончательно, и разве только самовлюблённый человек может сказать: "Я обрёл истину". Разве только самовлюблённый человек может так льстить себе и обманывать самого себя. Одна религия удовлетворяет вас, другая религия удовлетворяет меня. Обе истекают из духовного искания людей, одинаково ищущих истину. Ни одна религия не возвещает истину окончательно. Но если вы следуете своей, вы будете удовлетворены ею, насколько вы способны, и я своей, насколько я способен. Дитя моё, наши конечные цели те же самые, только наши дороги к ним различны.

Так мудрец Востока учил молодую женщину Запада.

Снаружи собрались к вечерней медитации. Фонарики мерцали мигающим светом, когда их ставили в ряд по краю балкона. Там был Сет Джумналаль, величественный в своей домотканной одежде, там был Винова, принёсший книги и часы. Маленькие мальчики сидели полукругом перед дверью, глядя, как секретарь Ганди приготовлял подушки. Когда Ганди вышел, чтобы присоединиться к ним, была полная тишина и спокойствие. Голова его склонилась, глаза, казалось, не видели.

Время от времени лай шакалов заглушал тихое чтение Виновы. Молодой месяц выплыл на усеянном звёздами небе, светя спокойно и нежно. Всё это навевало особое очарование, и душе хотелось следовать за спокойным ритмом гимна Виновы. Безмолвие ночи сомкнулось над утомлённым днём. Ганди сидел среди последователей - молчаливый, величественный, полный глубокого духовного мира.

ЗИГРИД ГРАБНЕР

ЧАС ИСКУШЕНИЯ

Он ищет ощупью никелевые часы у своего ложа. Бесконечно
долго тянется эта ночь. В комнате слышно только дыхание его
спутников. Поворачивает голову к окну. В небе - ясная луна. На
неё наползают клочья облаков, они всё время сгущаются и гасят
её свет.

Он закрывает глаза. Но в промежутке между желанным сном
и бдением на него наваливаются кошмарные сны. Пламя костра я
обуглившимися костями поднимается к небу. Он слышит крики...
"Нет!" - со стоном вырывается у него. Он садится на ло-
же, чтобы избавиться от наваждения. Дрожит всем телом. На лбу
выступает холодный пот. Неужели это страх пронизывает его,
страх, который, как казалось, он победил в себе? Он тяжело
дышит, пытается овладеть собой, но дрожь не проходит. Он шеп-
чет: "Рама! Рама! Рама!" Сколько раз обращение к Богу прино-
сило ему мир. Но в этот час слова отдаются в нём точно глухое
эхо. Он не может прогнать страшное видение.

Он сидит на обломках дома в Ноакхола, изнурённый ходь-
бой и удручённый горем, которое видел. К его ногам подползает
собака, тихонько толкает его носом и отбегает прочь, но потом
возвращается. В её глазах что-то нестерпимо просящее. Он стря-
хивает с себя усталость, встаёт и идёт за собакой, которая
его приводит к семи обгоревшим трупам. Собака садится возле
них, тихонько скулит и смотрит на людей. Один житель села го-
ворит: из всей семьи эта собака одна уцелела от резни.

Заваленные мертвецами колодцы, разрушенные хижины, безу-
тешные женщины. И везде взгляд беспомощного существа, в кото-
ром отражается отчаянье обезумевшего мира. "Что же мы делаем
сами себе, что же мы делаем ближнему? - бормочет он. - Дикое
звери в джунглях убивают, когда они голодные. Но люди убивают
друг друга в безмерном ослеплении и под Твоим именем, Боже!
Что же Бог, какое у Него имя? Правда и любовь. Где же они в
этом мире ненависти и насилия? Боже, если Ты сущий, почему
же Ты прячешь свой лик от меня, как луна?

Изо дня в день ходит он по опустошённым сёлам Восточной
Бенгалии. До крови колется о шипы, которые ему бросают под
ноги, бредёт по грязи и нечистотам, чтобы своими страданиями
и своим словом восстановить мир. Но уши людей глухи, глаза
слепы, а сердце превратилось в камень.

Всю жизнь он неустрашимо слушал голос своей совести, ко-
торая всегда указывала ему путь из мрака. Но теперь его не
пробивает никакой свет... Неужели вся борьба, все страдания

Sigrid Grabner. "Potsdamer Kirche" N I8. I984.
Перевод Алексая Переберина.

были напрасными, неужели сатьяграха, сила любви и правды - иллюзия? Неужели и теперь, и в смертный час, у него не осталось ничего кроме отчаяния?

"Что же мне делать, что же мне теперь делать?" - шёпотом говорит он.

..."Осанна!" и "Распните его!" - эти два клича преследуют его двадцать пять лет. Одни его превозносят, другие проклинают за то, что он проповедует любовь, разум и веротерпимость и этим живёт. В каком жалком состоянии находится мир, обожествляющий человечность и страшно хулящий её! Однажды люди последовали его призыву и голыми руками, с мужественным сердцем в груди поколебали господство британцев, вооружённых до зубов. А сейчас в безудержной злобе они рвут друг друга на куски!

Никогда прежде он не чувствовал себя таким беспомощным, оставленным Богом, как в этот ночной час. Те, которые раньше радостно приветствовали его, теперь побивали памятники, которые они ему ставили. Как плохо они его понимают. Ведь не затем он боролся против британского господства, чтобы индусы угнетали свой народ. Не в прокламациях политиков родится свобода народа, а в его сердце. Но страх владеет сердцами людей. А страх родит трусость, трусость - ненависть, ненависть - насилие, насилие - страх. Что надо сделать, чтобы разорвать круг смерти ? Александр Великий разрубил гордиев узел мечом. Он думал, что его нужно разрубить, и не думал о том, как развязать. Поэтому его империя, основанная на насилии, не была долговечной.

Атомная бомба - это огненные языки на стене. Кто сумеет их прочесть, тот узнает, что мир никогда не сможет установиться из вражды, и что человечество уничтожит само себя, если оно этого не поймёт. Но мир настанет, ибо закон любви действует так же, как закон тяготения. Любовь не страшится безоглядно расходовать себя, она не заботится о том, какая ей будет за это награда. Любовь одинаково хорошо борется с миром и сама с собой и в конце концов подчиняет себе все другие чувства. Она сливается с законом правды и с ненасилием и становится законом жизни. Если человечество хочет жить, то у него нет другого выбора, как научиться исполнять этот закон.

Но кто я ? - думает он, который хочет видеть исполнение того, к чему человечество стремится тысячелетиями.- Сократ выпил чашу с ядом, Иисус из Назарета умер на кресте. Неужели закон любви утратил силу, оттого что насилие всё время было сильнее его? Разве не светит солнце, когда я его не вижу? Разве не существует Бог, когда я Его не нахожу?

Дрожь неожиданно ослабевает.

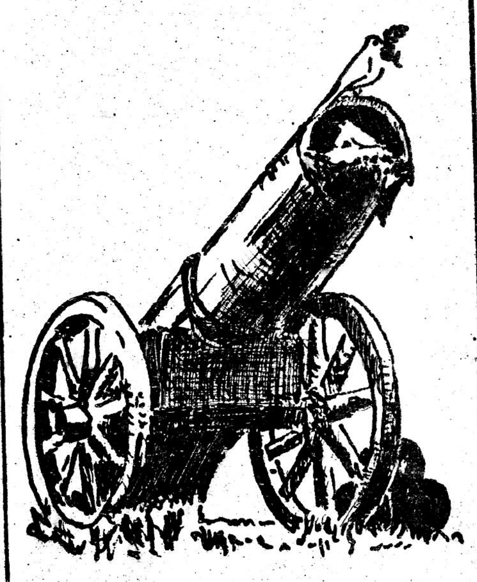
Мы всегда отклоняемся от цели,- думает он и с облегчением вздыхает. - И если я когда-нибудь узнаю, как далёк я от цели, то закон совершенной любви станет для меня законом моей жизни. Пусть меня осмеивают, ругают, бьют или даже будут убивать, я обращу свой разум против ненависти, любовь против яростной мести, я встречу один, бесстрашно смерть от рук кровожадного мира.

Ему кажется, что он слышит, как поёт его друг Тагор. Всё ближе звучит его голос, и он сам начинает петь: "Если никто не слышит твоего зова, иди один". Если они боятся и молчат в безвыходном положении, открой свою душу и говори наедине. Когда они отвращаются от тебя, покидают тебя, когда ты проходишь глухой местностью, растаптываешь под ногами колючки и оставляешь кровавый след, иди один. Если они ночью, когда бушует буря, не поднимают вверх светильника, зажги от молнии своё собственное сердце и дай ему одному гореть.

Он опускается на циновку, его лицо светло, как утро, [illegible]ющее из-за горизонта.

концепции ненасилия

С одной из концепций ненасилия знакомит предлагаемая брошюра.

Ненасилие - это философия, образ жизни, средство социальной, политичаской и экономической борьбы такое же старое, как и сама жизнь. С древних времён и по сей день случалось, что люди отвергали насилие как средство решения споров. Они предпочитали путь переговоров, посредничества и примирения, противопоставляя насилию бескомпромиссное ненасилие и уважение к каждому человеческому существу, без деления на врагов и друзей. Но из об этом повествуют учебники истории. Однако, если этот факт неизвестен или малоизвестен, то только потому, что мы так привыкли объяснять ход развития человечества преимущественно языком оружейного грохота.

Ненасилие - это целый ряд принципов и накопленная со временем практика, тесно связанные с пацифизмом. Пацифизм ведёт ведёт нас к отвержению любых войн, любых форм массового насилия и всех структур угнетения, которые преследуют человечество с самого творения. Ненасилие даёт нам позитивные средства противостояния войнам /а также подготовке к ним/ и прекращения их, сопротивления насилию, борьбы против расового, полового и экономического угнетения и дискриминации, стремится к социальной справедливости и подлинной демократии для людей во всём мире. Иными словами, ненасилие - это закваска для хлеба нового

общества, свободного от угнетения и кровопролития, для мира, в котором каждый человек может наиболее полно выразить себя.

Любая дискуссия о политической философии ненасилия начинается с простого утверждения: вера в абсолютную ценность каждой человеческой личности. Это же выражено в вере квакеров, что "В каждом человеке есть частица Бога", а также нашло отражение в стихотворении вьетнамского пацифиста Тих Нхат Хинга, в котором он вопрошает: "Если мы убиваем человека, то с кем же нам жить?" Ненасилие старается отделить человека от тех ситуаций и ролей угнетения, в которых он оказывается. Ведь при ближайшем исследовании оказывается, что груз угнетения давит на него так же, как и на угнетаемого.

Священник Мартин Лютер Кинг часто говорил, что в основе ненасилия лежит принцип любви. Это та любовь /или а г а п е, как она определяется в Новом Завете/, которая поддерживает огонь в борцах ненасилия. Когда Ганди говорил о любви как "наиболее могучей силе в мире", это не было сентиментализмом. Он хорошо знал о разрушительном действии насилия, где бы оно себя ни проявляло,- слишком очевидны потери в жизни и благосостоянии. Несколько менее заметно разрушение человеческого достоинства, сострадания и всех тех духовных ценностей, которые отличают человека от "низших" форм жизни. Даже тогда, когда война совершается для"защиты" демократии, то сама демократия - то есть народное волеизъявление, независимость, правда и свободный обмен мыслями - первая приносится в жертву ради цели победы. Не убеждение, а принуждение, не разумные доводы, но грубая сила оказываются в порядке вещей. Принцип созидающей любви противостоит разрушающей сущности насилия в человеческих взаимоотношениях и потому так действенен, что человечество в своей основе доброе.

Именно убеждённость в безусловной ценности каждого человека - в том числе и угнетателя - даёт готовность ненасильственным борцам лучше уж самим пострадать от несправедливости в их стремлении к справедливости, чем применить несправедливость и насилие по отношению к угнетателю. Это добровольно принимаемое на себя страдание может означать заключение в тюрьму, гонения, словесные и физические обиды, даже смерть. В индийском ненасильственном движении 1920-х, 30-х и 40-х годов с а т ь я - г р х и - или борцы, упорствующие в истине,- принимали на себя смертельные удары дубинок от национальной сикхской полиции и пули от британских колониальных войск, не отвечая тем же. Их мужество завоевало поддержку и симпатии свободолюбивых людей во всём мире и приблизило тот день, когда Индия освободилась от колониального ярма.

В Бирамингеме, штат Алабама, в 1959 году сотни последователей Мартина Лютера Кинга во время кампании за равное для чёрного населения избирательное право и за возможность посещения всех общественных мест встречали тюрьмы, нападения собак и удары дубинками. Однажды движения марша протеста темнокожих к зданию муниципалитета было остановлено отрядом полиции под командованием шерифа Булл Коннора. Было приказано разойтись. Когда, вместо этого, участники мирша склонились на колени и стали молиться, Коннор дал приказ своим людям применить дубинки. Невероятно - но они отказались исполнить приказ, даже после того, как он был повотрен яростным криком. В конце концов цчастники демонстрации встали на ноги и проследовали через ряды полиции к зданию муниципалитета, чтобы противостать отказу сегрегационистов соблюдать права человека.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Основой любой дискуссии о политической философии ненасилия является вопрос о целях и средствах. Активисты ненасилия отвергают утверждение, что цель оправдывает средства; они рассматривают цели и средства как неделимые. Иногда кажется, что насилие ускоряет, но на самом деле как раз замедляет движение к мирному, справедливому и демократическому обществу. Средства неизменно оказываются воплощёнными в цель, какая бы благородная они ни была, и извращает её - что часто не осознаётся. Кто-то может много рассуждать о том, как в ходе истории много злого оправдывалось в качестве средства для достижения благородной цели, без малейшей мысли о внутренней непоследовательности.

"Средства - это семена, из которых вырастают цветы и плоды,- писал один американский пацифист в девятнадцатом веке. - Плод всегда будет того же вида растения, что и семя, которое вы посеяли. Вы не можете вырастить розу из семян кактуса". Никто не может привести кого-либо в "возлюбленное общество" посредством насилия и отрицанием гуманности с обеих сторон в неизменной борьбе между угнетёнными и угнетателями. В мире, где государства построены и поддерживаемы насилием - как явно, так и завуалированно - возможно, ненасилие является наиболее радикальной политической теорией, если под радикализмом мы разумеем "видение корня" общественной реальности.

Активисты ненасилия хорошо представляют, что конфликт всегда будет, что любая социальная борьба вовлекает в конфликт. Но конфликт - это состояние, предшествующее примирению. И ненасилие не просто старается прекратить конфликт, но старается действовать между противоборствующими созидательным образом, так, что нормой должны быть убеждение и дискуссия, а не насилие. Иногда активисты ненасилия даже обостряют социальный конфликт, решаясь на гражданское неповиновение, например при отказе подчиниться призыву на военную службу или при игнорировании запретов на посещение сегрегированных столовых. Поскольку ненасильственные кампании могут вылиться в насилие и даже смерть, особенно важно, чтобы каждый активист ненасилия - который особый акцент делает на мире и прощении - не допускал применения плохих средств. Мартин Лютер Кинг, отвечая на частые вопросы критиков, говорил, что ненасилие не порождает насилие, но что насилие - может быть, менее заметно - уже существует в учреждённой форме. Ненасильственные действия вытягивают наружу эти насилие, несправедливость и ненависть, так что приходится с ними сталкиваться и преодолевать. Во всех конфликтах - в военных или при ненасильственных кампаниях - неизбежны пострадавшие. Но ненасилие стремится разорвать этот порочный круг насилия и привести страдания к минимуму, принимая их на себя. Оно старается вывести на новый путь. Ненасилие предполагает в каждом человеке не средство для достижения некоей предусмотренной цели, но саму цель.

ПРАКТИКА НЕНАСИЛИЯ

Каждая серьёзная политическая философия гордится своим практическим опытом в истории; ненасилие тут не является ис-

ключением. Исследуя исторические события, связанные с ненасильственными акциями, замечается различие между теми, кто принимает ненасилие как безусловный принцип, и теми, кто - хотя они могут рассматривать ненасилие как морально более предпочтительный метод борьбы - обращались к ненасилию лишь по тактическим и практическим соображениям. Тактически, ненасилие является политическим орудием, которое, в отличие от насилия, может быть использовано всеми - включая бедных, обездоленных и угнетённых - без потребности в вооружении и амуниции. Но ненасилие - это нечто большее, чем тактика для демонстрации и гражданского неповиновения. Выборы /или отказ от выборов/, забастовки, общественные организации, просвещение, выдвижение кандидатов на общественные должности - всё это примеры ненасильственной тактики для социальных перемен.

Незадолго перед Американской революцией колонисты применяли ненасильственную тактику бойкотирования британских товаров, неуплаты налогов и потопления чая в Бостонской бухте. В значительной степени благодаря упорству и смелости участников аболиционистского движения сотни рабов были тайно переправлены на свободные от рабства территории по так называемой Подпольной железной дороге ещё перед Гражданской войной 1861-65 годов, и агитация против рабства способствовала тому, что решение проблемы торговли людьми и подневольной службы стало основной задачей того времени. В первой половине двадцатого века в Соединённых Штатах женщины приобретали право участия в выборах, рабочие - право образования профсоюзов и потребительских обществ главным образом путём ненасильственных демонстраций.

Позже ненасильственное движение с добровольным принятием страданий и бескомпромиссным стремлением к истине изменило лицо американского Юга и расширило юридические и политические права всех американцев, независимо от расы. Опираясь на негритянские церкви, движение за права человека в 1950-60 годах достигло успехов деятельным ненасилием там, где предыдущие юридические, а порой и насильственные попытки, терпели неудачу. Объединение сельскохозяйственных рабочих во главе с Сезар Шейвзом образовало в Калифорнии профсоюз для бедных сельских работников, несмотря на угрозы, запугивания и насилие. Они действовали методами, основанными на философии ненасилия, и добились своего, в то время, как выбиравшие иную тактику не достигали своей цели. В течение десятилетия протесты против участия Соединённых Штатов в войне в Индокитае состояли главным образом из мирных массовых демонстраций, гражданского неповиновения и общественного просвещения. Пацифистское лидерство сыграло большую роль в выпутывании страны из этой войны. Теперь тактика ненасилия используется в растущем движении против ядерного оружия.

Есть ещё множество примеров успешной ненасильственной деятельности, как здесь, так и в других странах. Некоторые из них известны хорошо, другие - нет. Здесь и гандистская борьба против британских властей за самоуправление Индии, и удачная ненасильственная кампания, принесшая независимость западноафриканскому народу Ганы в 1958 году. В течение Второй Мировой войны ненасильственное сопротивление нацистам принимало такие формы, как отказ норвежских учителей следовать нацистским указаниям, и переправка евреев из оккупированных стран Европы такими пацифистами, как Андре Тром во Франции.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Ненасилие требует от нас не только обращать внимание на открытые проявления насилия, но смотреть глубже и распознавать более скрытые его формы. Война очень ощутима, очень видна в крушении самолётов, в убийствах, во взрывах, уносящих сразу сотни наших жизней. Но когда индейская девочка в Оклахоме или белый мальчик в Аппалачи, чёрнокожая девочка в Гарлеме или ребёнок в какой-нибудь из стран третьего мира лишены нормальной пищи или крыши над головой, медицинской помощи или одежды, образования, - это тоже насилие. Когда за одинаковую с мужчиной работу женщине отказывают в равной оплате, или когда она подвергается унижениям и побоям со стороны мужа - всё это примеры насилия. Где бы ни подавлялись правительством голоса оппозиционеров, и где бы ни ущемлялись человеческие и политические свободы или социальные, экономические и культурные права - в Советском Союзе или в Чили, Южной Африке или Индонезии, Соединённых Штатах или Китае - присутствует насилие над человеком.

Многие видят в ненасилии гораздо больше, чем просто рычаг для эффективных и политических перемен в стране и мире; для них это краеугольный камень во всех сферах жизни. Некоторые приходят к опрощению жизни и даже к добровольной бедности, то есть личному примеру сохранения природных ресурсов и приближения к бедным и угнетённым людям. Они стараются жить по убеждению, что если никто из нас не будет брать больше им наработанного, то хватит всем. Другие становятся приверженцами вегетарианства или общинной жизни, третьи отказываются защищаться от личных обидчиков и отказываются от обвинений против нападающих, что является неотделимым принципом их концепции ненасилия.

Другие приверженцы ненасилия - хотя и ценят, уважают и в значительной степени принимают такой образ жизни - практикуют ненасилие в более ограниченных политических рамках. Они считают более уместным применение ненасильственных политических акций для социальной борьбы, чем личной осуществление ненасилия через изменение собственного образа жизни.

Два подхода не обязательно взаимоотрицаемы. Так, могут спорить приверженцы двух экономических систем о том, лучше ли децентрализованная экономика или планова социалистическая, но каждый должен будет согласиться, что нельзя оставаться в статус кво, и необходима демократизация экономики. Различение вездесущего учреждённого насилия должно вести и одних и других к новому международному экономическому порядку для развития всех народов планеты, к борьбе против потребительсткой этики, которая, например, в Соединённых Штатах и ещё где-нибудь ведёт к непомерному потреблению в то время, как миллионы людей страдают от отсутствия самого необходимого.

НЕНАСИЛИЕ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Многим из моральных и духовных основ философии ненасилия дали начало мировые религии. Хотя многие пацифисты и другие практикующие ненасилие не считают себя религиозными людьми, религиозный аспект ненасилия очень значителен и важен. Взять хотябы такое движение как Содружество примирения, в котором участвуют протестанты, католики, иудеи, буддисты и представители

других религиозных направлений /а также неверующие/. Следует вспомнить значимость религиозной веры в таких исповедниках ненасилия как Мюриэль Лестер, Махатма Ганди, Нхат Ханг и Сезар Шейвз.

Для христианских пацифистов война диаметрально противоположна вере. Последователи Христа призваны на путь самоотверженной любви, распространяющейся на всех, включая врагов. Иисус учил крестному пути, отдачи своей жизни за других. В сердце Евангелия - ненасилие: Нагорная проповедь - это призыв любить врагов своих, обратить и другую щеку, идти и второе поприще. Царствие Божие - не просто некоторый идеал вне жизни, но действенная сила любви, активно проявляющаяся в истории человечества.

Иисус проповедовал и осуществлял в жизни эту веру как один из народа, находившегося под иностранной оккупацией. Ранняя церковь продолжала это свидетельство в течение нескольких столетий, отказываясь поддерживать государства и санкционировать насилие и войны. Однако в четвёртом веке, после того, как император Константин принял христианство, церковь была официально признана государством; с тех пор путь ненасилия стали проповедовать только как руководство для личной жизни лишь немногих людей. И всё же радикальный дух Евангелия продолжал снова проявляться не только в таких движениях как францисканцы, анабаптисты и квакеры, обращавшихся к тому значению любви, которое проповедовал Иисус.

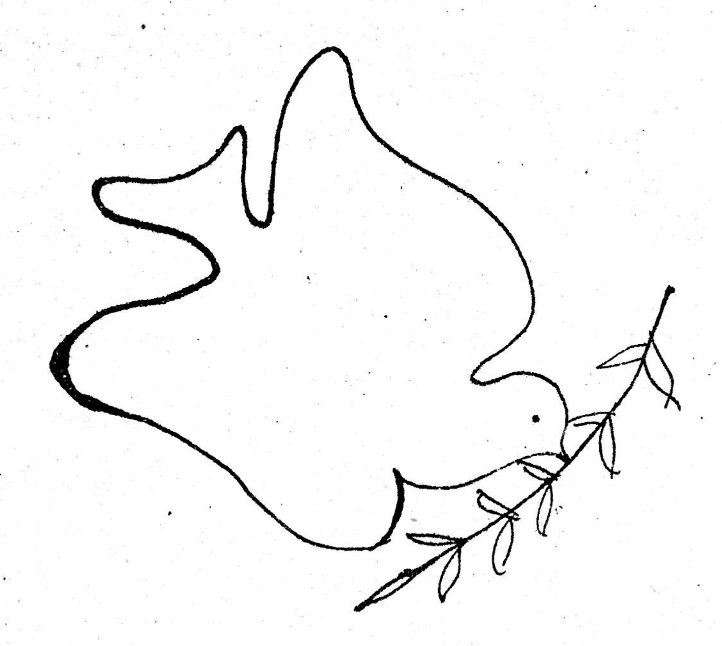
Сегодня не только в исторически пацифистских, но и в так называемых "традиционных" церквях растёт признание того, что миротворчество имеет в христианстве центральное место. Эти христиане видят важнейшую задачу человечества в создании такого общественного устройства, в котором каждой человеческой личности была бы предоставлена максимальная возможность для развития. Таким образом христиане неизбежно оказываются призваны к усилиям за мир и справедливость и проявлению в этом участии евангельской заповеди любви ко всему человечеству. Это то, что вдохновляло Льва Толстого, А. Моста, священника Мартина Лютера Кинга, Дороти Дэй, Ланца дель Васто и Католическое рабочее движение, корейского лидера пацифистов Хон Сок Хама и ныне продолжает вдохновлять тысячи христиан.

Еврейские пацифисты находят вдохновение для ненасильственной философии жизни в идеалах и опыте еврейского народа. Вера в святость жизни и путь мира видна уже в Десяти заповедях Моисея; она расцветала через Исайю, Еремию и других пророков и совершенствовалась мудрецами Талмуда. В нынешнее время еврейскую философию ненасилия продолжали обогащать Лео Баек, Абрам Кронбах, Альберт Эйнштейн, Абрам Хешель и другие.

Имеются параллели и во многих других религиозных традициях. Отделяющее вечное духовное от преходящего индуистские учения питали Ганди в его стремлении а х и м с о й /непричинение вреда/ и с а т ь я г р а х о й разорвать цепь разрушения и насилия, волнующих и разрушающих душу. Призыв к справедливости и уважению жизни каждого существа содержит в себе буддизм, что нашло отражение и в буддийском ненасильственном сопротивлении французской и американской интервенции во Вьетнаме в 1950-70 годы.

Ненасилие - не панацея, не волшебный элексир и не гарантия безусловной победы. Ганди говорил, что "человечество может использовать эти средства, хотя конечная цель вне нас". Но ненасилие даёт нам возможность стремиться к миру, способст...

взаимному прощению и содействовать справедливости, не причиняя вреда людям и не обращаясь с ними, как с вещами, что характерно для насилия. Мы восстаём против насилия из-за его жестокости и варварства. Нам неприемлемы те взаимоотношения между людьми, которые неизбежно сопровождают использование насильственных действий. Философия ненасилия - это жизнеспособная альтернатива.
Для тех, кто это однажды понял, такое утверждение не представляется наивным. Ненасилие - это могучее утверждение гуманности, способное осуществлять коренные политические, экономические и общественные перемены. Совместные действия невооружённых людей могут менять мир.

ШАГИ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Отношение "Ясной Поляны" к военной службе выражалось с первых выпусков нашего журнала. Напомним: мы не считаем приемлемым ни само убийство, ни обучение ему, ни, тем более, обещание совершать этот страшный, нечеловеческий поступок в будущем по приказу кого бы то ни было; мы считаем это неприемлемым независимо от того, в каких странах мы живём и какие законы в этих странах установлены.

В тоже время какими-то шагами по пути демилитаризации явилось бы и признание возможности замены военной службы альтернативной гражданской, а также отмена закона о всеобщей воинской обязанности. О том, как к закону об алтернативной службе шли в Латвии, мы уже сообщали. Напомним, что наиболее активную роль в этом сыграла Лига женщин Латвии. Движение за демилитаризацию развивается и в других республиках.

В этом выпуске "ЯП" предлагаются вниманию наших читателей два документа из множества, появляющихся в последнее время. Может быть, не со всеми положениями, выраженными в них, мы согласны, может быть, некоторые из них даже покажутся непривычными для нашего журнала, но можно понять и надрывную эмоциональность страдающих матерей, их некоторую непоследовательность, вызванную отчаянием. Но, как бы то ни было, и эти усилия становятся шагами общего движения.

верховному совету ссср, президенту ссср

Мы, солдатские матери, вынуждены обратиться к Вам, так как не хотим больше быть заложниками нашей системы, не хотим, чтобы в нас видели "автоматы" по производству "пушечного мяса" и только. Не хотим быть виновниками перед своими сыновьями в том, что они родились лицами мужского пола и с первой минуты своей жизни должны быть рабами "Закона о всеобщей воинской обязанности". Этот "Закон..." понятен в военное время, но в мирное... Это звучит как гимн милитаризму.

Даже в царской армии существовало положение, где предусматривалась возможность замены военной службы гражданской. В армию призывали в 21 год, а не в 18, как сейчас. После милютинской реформы 1868 - 1874 гг., когда было запрещено рукоприкладство, а "дедовщины" не было и в помине, кормили лучше, служба была куда более гуманной, чем в советской армии. Единственный сын имел право не служить. Пока старший сын служил, младшего сына в армию не брали. А в случае гибели старшего - младшего и подавно освобождали от службы.

ШАГИ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Не пора ли нам вспомнить старые добрые времена? После революции положение об альтернативной службе сохранялось. В.И.Ленин в 1919 г. говорил, что нам нужна малочисленная армия, но профессиональная.

Но во второй половине 20-х годов положение об альтернативной службе было сведено на нет. Сталинскому режиму требовалось всё больше солдат, росли ГУЛАГи, нужно было держать народ "под сапогом", и в 1939 г. принимается "Закон о всеобщей воинской обязанности".

Диктатор умер, ГУЛАГИ расформировали, но государство привыкло к труду крепостных, и ни в чём не повинные парни тысячами потекли в рабство, лицемерно прикрытое мундиром. Хотя ни в Конституции СССР, ни в "Законе о всеобщей воинской обязанности" /этом сталинском детище/ нет ни слова о ВСО /стройбатах/. Куда же смотрит Конституционный надзор? Вот, где ему работа! Или "орешек" не по зубам?!

Почему наши сыновья остаются заложниками, рабами министерств и ведомств? До каких пор наших сыновей будут использовать на самых невыносимых для здоровья и жизни работах? До каких пор будут продолжаться эти опыты на выживаемость наших сыновей? Мало того, что в стройбаты отправляют больных ребят, так там их ещё и добивают: делают хронически больными, инвалидами - это в лучшем случае.

Ребята бегут от невыносимых условий труда, жутких условий быта, моральных и физических истязаний /додовщина, землячество, волчьи законы/, унижения человеческого достоинства, унижения человеческого "я", так как в армии индивидуальность исключается. Разве могут быть права у раба? И все эти издевательства военные называют "школой мужества". Только странные вещи происходят в нашей странной стране, в нашем странном обществе! Ни один сын "элиты", "избранных", "руководства" эту "школу" не проходит. Они её заканчивают "заочно", как правило. А между тем, количество правонарушений в стройбатах возросло на 80%. Стройбатовцы протестуют, голодовки - не редкость в стройбатах, а последствия... Где ответственность тех, кридумал эти изуверства? До каких пор материнский вой, иначе неназовёшь, раздающийся по всей России, не будет замечаться ? Почему до 18 лет никто не интересуется, а коково было матери вырастить сына, сколько здоровья, сил жизни её на это ушло?

А исполнилось 18 - отбирают сына, не давая матери никаких гарантий, что военные сохранят здоровье и жизнь сына. Почему они не несут абсолютно никакой ответственности даже тогда, когда "присылают" матери сына в цинковом гробу?! Почему, благодаря уставу, солдат не человек, а вещь военного ведомства?

Почему наших сыновей используют для удовлетворения политических демагогий, непомерно раздутых амбиций несостоятельных политиков? Почему наши сыновья должны служить мишенями при решении межнациональных конфликтов, служить устрашающей силой? **Мы не позволим делать из наших сыновей убийц и жандармов**, заставлять бросаться на людей с дубинками и сапёрными лопатками!

Мы, солдатские матери, официально заявляем:

Не отдадим своих сыновей в армию, мы их не доверям военным, не хотим, не желаем своим сыновьям ни болезней, приобретённых в армии, ни инвалидности, а тем более унижений, оскор-

блений, издевательств и, что самое жуткое - смерти.

Мы хотим иметь внуков, а не памятники на кладбище.

Поэтому требуем немедленного введения альтернативной службы, определяемой не военными, а гражданскими организациями, отмены медицинского приказа, этого античеловеческого документа, этой уступки Минздрава военным, этого нарушения главной заповеди врача - "Не навреди". Медкомиссии из военкоматов убрать, сделать независимые медкомиссии при медсанчастях, чтобы военные не могли забирать больных, выполняя план за счёт здоровья наших сыновей, делать их калеками.

Во-вторых, требуем скорейшего решения вопроса о профессиональной армии. Он назрел давно, и закрывать на это глаза, делать вид, что ничего не происходит, - только обострять проблему, требующую немедленного решения. Убрать из армии политработников, нечего засорять мозги нашим сыновьям утопическими догмами, тем, чего никогда не было, нет и не будет. От этого армия только выиграет, зачем лицемерить и лгать! Да и средств высвободится достаточно. А сейчас тысячи ребят, протестуя против насилия, против закона, лишающего человека права на самостоятельное решение, против узаконенного рабства, калечат себя, травмируются, покушаются на собственную жизнь. Потому что противно чувствовать себя не человеком, а заложником диких законов давно ушедшего времени.

Загнанные в армию насильно, не видя выхода, но и не мирясь с рабством, расстаются с жизнью: вешаются, стреляются. Число самоубийств в армии резко возросло, это ещё один показатель, что решать надо срочно, не откладывая! Ребята бегут из одного ада, попадая в другой - дисбаты. Судит их военный трибунал, ещё один анахронизм мирного времени, сталинский орган, живущий и поныне.

Хватит крови, хватит жестокости, хватит произвола и насилия, хватит гробов!

Закрывать на всё это глаза и делать вид, что всё у нас в порядке, разводить демагогию и взахлёб рассказывать о том, сколько ВСО построит дорог, цинично забывая, сколько на этих дорогах они положат наших сыновей, - просто кощунство! Пусть эти дороги строят свободные люди, а не крепостные!

Человек - хозяин своей жизни, и только ему решать, как её прожить.

Ассоциация солдатских матерей г.Челябинска,

Уральские Социал-демократы,Партия зелёных, Народный фронт.

Поддержано Комитетом солдатских матерей в Москве.

ОБРАЩЕНИЕ

ЛАТВИЙСКОЙ ЗЕЛЁНОЙ ПАРТИИ

Весь мир производит и накапливает оружие. Люди готовятся убивать друг друга. Против одних вооружённых сил выстраиваются другие. Оружия в мире накоплено столько, что оно способно уничтожить всё население планеты несколько раз, однако правительства разных государств продолжает его производить или закупать.

И на территории нашей Матери Латвии располагаются войска, которые никак не являются защитниками нашего народа. Размещённое здесь оружие делает нас заложниками в руках милитаристов. Молодых людей призывают в ряды вооружённых сил, где уродуют психику, подавляют их свободную волю и готовят их к насилию.

Как нам освободиться от этой армии, убивающей тело и калечащей дух? Есть различные возможности. Мы должны сделать выбор.

Первая возможность: танки против танков. Армию способна изгнать более сильная армия. Мы тоже можем вооружаться. Но как только мы создадим вооружённые силы, они тут же найдут противника, и у нас появятся враги. Большие трудности нам доставят и атомные подводные лодки, бороздящие глубины Атлантического океана. Даже в том случае, если мы все, со всеми нашими детьми, отправимся служить в армию, всё равно вблизи наших границ будет находиться ещё более мощная армия. Силой и насилием мы не только не предотвратим страданий этого мира, но ещё увеличим их. "Поднявший меч от меча и погибнет," - эти пророческие слова всегда сбываются.

Вторая возможность: силе противопоставить духовность, режиму - гражданское неповиновение, капля воды способна искрошить скалу, неформалы - режим. Мы должны стать этими зелёными каплями. Бездумным солдатам открыть духовность, показать, что можно обойтись без уничтожения современников. По меньшей мере наивно полагать, что мы можем решить наши проблемы, убивая своих братьев. Оружием можно победить тело, но не душу.

Нам, зелёным, следует отказаться брать в руки и использовать орудия смерти. Начнём с себя, присоединимся к идее мира. Зелёные капли Латвии должны влиться в зелёное море миролюбия. Чтобы попасть в море, капли вначале должны стать рекой.

Латвийская Зелёная партия начинает готовить русло для этой реки - мы создаём совет пацифистов. Все, кто желают присоединиться к нам, - приходите, обращайтесь в местные группы ЛЗП.

Наш девиз: "Любите, а не воюйте!"

Координатор

Паулс Раудонис.

ИСЛАМ.

ДИАЛОГ ВОЗМОЖЕН!

Часто всё, что касается исламского мира, воспринимается в Европе как нечто чуждое и пугающее. Тревожит рост религиозного фанатизма, а также жестокие войны, каждая из которых претендует называться священной, то есть джихадом. Однако беды эти были свойственны и христианской Европе с её крестовыми походами, насильственным обращением язычников и кровавым истреблением альбигойцев. А с другой стороны - что касается джихада - как не вспомнить изречение Магомета, что всё же "Самая святая война - та, в которой человек побеждает самого себя".

Все - люди, все - братья, и не следует нам сторониться друг от друга потому, что мы выросли в различных традициях, не следует людям пугаться друг друга из-за того, что различен их символ веры и чем-то отличаются слова их молитв. Диалог необходим. Надо не отталкивать друг друга, но стараться понять, посмотреть на мир глазами другого - и определённо найдётся много общего, такого, что намного важнее всех различий. Надо этого желать, надо стараться.

Диалог возможен! И в качестве лишь небольшой его части предлагается подборка из переписки Льва Толстого.

КНЯЗЮ МИРЗЕ РИЗА ХАНУ

"Очень благодарен вам за присылку вашей поэмы. Она представляет высокий интерес, и я думаю, что распространение мыслей, которые она заключает, послужит на великую пользу не только для персидского народа, но и для людей всех стран. Я совершенно разделяю мысль, выраженную последним оратором, уроженцем Востока, о том, что для того, чтобы лечить зло, нужно найти причину и стараться уничтожить её. Восточный человек говорит, что причина зла заключается в эгоизме и незнании, но я хотел бы только добавить к слову незнание - незнание истинной религии.

Под понятие истинной религии я разумею религию, доступную всем людям, основанную на разуме, общем всем народам, и потому

уже обязательную для всех.

Принцип этой религии выражен в Евангелии такими словами: "Делай другим то, что желал бы, чтобы делали тебе. В этом закон и пророки". Если бы только этот принцип был осознан как единственная рeлигиозная основа для всех людей, эгоизм, который всегда готов пожертвовать благом своего ближнего для достижения своих целей, исчез бы сам собой. Таким образом, я признаю причиной как вообще зла, так в частности и войны, единственно незнание истинной религии.

Точно так же я не совсем согласен с вами относительно братства, которое вы предполагаете возможным между государствами и их главами. Я считаю, что государство, основанное и постоянно поддерживаемое насилие, не только исключает братство, но представляет совершенную противоположность ему.

Если люди братья, то не может быть ни императора, ни генерала, ни подданного, ни солдата. Между братьями никто не имеет права командовать, никто не обязан повиноваться. Все должны повиноваться Богу, а не людям, приказания которых чаще всего противны закону Бога.

По-моему, войны не прекратятся до тех пор, пока каждый не проникнется до такой степени религиозным требованием не делать другому того, чего он не желал бы, чтобы делали ему, что никто не в состоянии будет принять на себя обязательства идти на военную службу, которая есть ни что иное, как приготовление к убийству, акт, наиболее противоречащий закону взаимной любви, так как каждый человек дорожит больше всего жизнью, и потому желание лишить его этого и значит - делать то, что не желал бы, чтобы делали вам.

Я верю, что везде, как и у вас в Персии бабиды, есть люди, исповедующие истинную религию, и, несмотря на все преследования, которым подвергаются эти люди везде и всегда, их идеи будут распространяться всё больше и больше, и, наконец, восторжествуют над варварством и жестокостью правительств и в особенности над теми обманами, в которых правительствавсегда будут стараться вызвать национальную ненависть, чтобы сделать необходимым войско, которое одно только и составляет их силу и смысл их существования.

Войны могут быть уничтожены только теми личностями, которые от них страдают. Войны будут уничтожены только тогда, когда истинная религия будет натолько распространена, что большинство людей готово будет скорее пострадать от насилия, чем употреблять его, и, отказываясь поступать на военную службу, сделают войну совершенно невозможной.

Благодарю вас ещё раз за ваше письмо и за вашу поэму, прошу вас, князь, принять уверение в моём совершенном уважении и лучших чувствах...

Лев Толстой".

1901.

МУФТИЮ МУХАММЕДУ АБДУЛУ

"Дорогой друг,

Я получил ваше хорошее и чересчур хвалебное письмо и спе-

шу ответить, чтобы уверить вас, что оно доставило мне большое удовольствие, поставив меня в общение с просвещённым человеком, хотя и другого вероисповедания, чем то, в котором я родился и воспитывался, но одной со мной веры, ибо вероисповедания различны и их много, но вера существует лишь одна истинная. Думаю, что не ошибся, предполагая по вашему письму, что вера, которую я исповедую, - та же, что и ваша вера, и состоит в признании Бога и Его закона, в любви к ближнему и делании другому того, что желал бы, чтобы делали тебе. Я думаю, что все истинно религиозные принципы вытекают из этого и что они одни и те же как для евреев, так и для браманистов, буддистов, христиан и магометан. Я думаю, что чем более религии преисполняются догматов, предписаний, чудес, суеверий, тем более они разъединяют людей и даже порождают недружелюбие, и, напротив, чем более они опрощаются и очищаются, тем ближе достигают они идеальной цели человечества - общего единения. Вот почему ваше письмо было мне очень приятно, и я желал бы оставаться с вами в общении...

Лев Толстой".

1904.

РЕШИД САФФЕТ БЕЮ КАРА-ШЕМСИ

/Турецкий журналист, позднее дипломат/

"Милостивый государь,

Посылаю вам одну из моих книг на французском языке и желаю, чтобы она была новой для вас и могла бы быть полезной. Вы спрашиваете, что я думаю о вашей родине. Всё, что я могу ответить на этот вопрос, - это посоветовать вам больше думать о ваших обязанностях перед Богом и человечеством, чем об обязанностях, которые, как вы думаете, лежат на вас по отношению к вашему правительству и родине, и стараться жертвовать последним для первых.

Турок, русский, француз, японец, прежде чем подчиняться своему правительству, подчинён Богу, и обязанности их одни и те же, заключаются в едином законе - поступать с ближним, как желаешь, чтобы поступали с тобой. И это без различия расы, религии, касты, национальности.

Лев Толстой".

1906 .

РАХМАТУЛЛЕ МИНГАЛИЕВИЧУ ЕЛЬКИБАЕВУ

/Р.Елькибаев в письме просил разрешения переводить произведения Толстого на тюркский и арабский языки. Позже, в 1912-1914 гг. он напечатал несколько статей о Толстом в мусульманских журналах/

"Любезный брат Рахматулла Мингалиевич,

Я уже много лет назад предоставил всем право издания всех моих сочинений, написанных после 1881 года, также и переводов. Но очень рад случаю лично передать вам это, не разрешение, а благодарность за ваше в высшей степени приятное мне предложение. При этом случае посылаю вам для вашего выбора те из моих писаний, которые у меня под рукой. Что же касается до вашего мнения о моём суждении об исламе, то хочется вам сказать то, что истинная религия, по моему мнению, есть только одна. Вся эта истинная религия ещё не открылась человечеству, но часть её проявляется во всех исповеданиях. Весь прогресс человечества состоит в этом всё большем и большем соединении всех в этой одной истинной религии и в всё большем и большем уяснении её. И потому всем любящим истину надо стараться отыскивать не различия в религиях и их недостатки, а их единство и достоинства. То, что я и стараюсь делать по отношении всех религий и также и по отношению хорошо мне известного ислама. Известна ли вам составленная мною книга "Круг чтения"? Она отчасти удовлетворяет этим требованиям. Я думаю, что перевод этой книги на арабский язык был бы не бесполезен.

Желаю вам всего лучшего.

Лев Толстой".

1908 .

МИРСАФАРУ КРЫМБАЕВУ

/Ответ на письмо татарского писателя, в котором Крымбаев спрашивал Толстого: "Можно ли, придерживаясь религии Магомета, дойти до счастливой, совершенной жизни?"/

"...Основа всех религий одна и та же: любовь к Богу, т.е. к высшему совершенству, и к ближнему. Но во всех религиях совершилось и совершается то, что к основной религиозной истине, общей всем религиям, присоединяются ложные толкования, вносимые в учение его последователями. То же совершилось и совершается в магометанстве. И потому, как во всех религиях, так и в магометанстве, задача теперешнего человечества состоит не в том, чтобы, откинув религию, поставить на её место узкие, неосновательные и пошлые, так называемые научные взгляды, а в том, чтобы понять сущность религиозного учения и постараться освободить основную религиозную истину учения от того, что скрывает её. И это совершается во всех религиях... Полагаю, что всякому человеку, желающему служить человечеству, прогрессу его, надо не отрицать огулом ту религию, в которой он родился и воспитывался, как вы в магометанстве, а, напротив, поняв те глубокие основы, которые в каждой религии, а также и в магометанстве, стараться очищать их от тех наростов, которые их скрывают.

И в Коране можно найти много верного и глубокого, и кроме того есть небольшая книжечка, изданная в Индии по-английски, в которой собраны изречения Магомета, замечательные по своей глубине и духовности.

Лев Толстой".

1909 .

МУЛЛЕ МАГОМЕТУ ФАТИХУ МУРТАЗИНУ

"... 4-й вопрос. Можно ли спастись в Исламе и что нужно для спасения?

Спасаться можно только от беды и опасности. Жизнь дана людям на благо, и надо не спасаться от неё, а исполнять в ней волю Бога. Воля же Бога только в том, чтобы мы любили друг друга, и магометан, и христиан, и евреев, и буддистов, и таосистов и других всех одинаково. А будем жить так, то и жизнь наша будет добро, и смерть не будет страшна нам. Не спасаться надо, а жить по-Божьи и благодарить Его за данную нам жизнь...

1910 .

Лев Толстой".

И в заключение отрывок из письма

АБДУЛЛАХ АЛЬ МАМУН СУХРАВАРДИ

к друзьям Толстого:

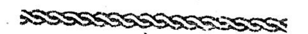
"Я - последователь Ислама, религии, с которой обычно связывают насилие и кровопролитие. И всё-таки я - ученик Толстого. Я поборник мира и непротивления. Это может казаться парадоксальным. Но парадокс исчезает, если читать Коран, как читает и истолковывает Толстой Библию, - в свете Правды и Разумения.

Учение непротивления, так неустанно проповедуемое Толстым, более соответствует Востоку, особенно же Индии, сроднившейся с учением Готамы-Будды. И проповедь Толстого, сливаясь с теми учениями пророков и мудрецов, которые некогда славились в этой исторической стране, явит, может быть, и в наши времена также мессий и махдий, которые, распятые на крестах, будут благословлять распинающих их.

Мечта моя - лично выразить Толстому моё благоговение перед ним - не сбылась. И, должно быть, не сбудется в этой жизни. Мы обменялись с ним только одним письмом. И всё же мне ясна его обаятельная личность. Толстой, подобно Магомету, о д и н и з н а с , а не сверхчеловек, который глядел бы на нас с высоты своего величия, как на бедных людишек. Он не злоупотребляет своими почитателями и не подавляет их.

Свет - есть свет от Бога, а не свет от Востока или Запада. Чтобы свет светил - безразлично, горит ли он в золотом, серебряном или глиняном светильнике; китайский ли он, русский или арабский. Этот русский граф, этот учитель и пророк, предмет моего почитания. Я чувствую сродство моей души с его душою. Я также прошёл через долину сомнений и испытаний, уныния и отчаяния. И, не видя его, шёл той же стезёй, как и Толстой..."

1908 .

Учитывая большой интерес и уважение, с которыми Толстой относился к учению Баха-Уллы, специально для "Ясной Поляны" краткая статья председателя местного Духовного Совета Киевской общины бахаистов.

—

МАРИНА ПАВЛОВА

БАХАИЗМ:

преемственность идеалов мира и справедливости

В XIX веке Баха-Улла, основатель мировой религии, был известен во многих странах мира, но в истории бахаизма некоторым странам принадлежит особая роль. Одна из таких стран - Россия, где община бахаистов зародилась ещё при жизни Баха-Уллы. А Ашхабад стал убежищем бахаистов, вынужденных искать свободу за пределами Ирана, родины бахаизма, где они подвергались жестоким гонениям.

Возвращение бахаизма в нашу страну - тот самый глоток чистой холодной воды в пустыне, в котором мы отчаянно нуждаемся, мы превратившие нашу жизнь в духовную пустыню.

Действительно, никогда ни в социальной, ни в хозяйственной, ни в политической сферах человеческой деятельности не было таких широких и фундаментальных потрясений, подобных тем, которые ныне происходят в разных частях света. Никогда источники опасности не были так многочисленны и разнообразны, как те, которые теперь угрожают структуре общества. При размышлении над современным состоянием необыкновенно расстроенного мира следующие слова Баха-Уллы являются действительно знаменательными: "Как долго человечество будет упорствовать в своенравии своём? Сколь долго будет продолжаться несправедливость? До каких пор хаос и замешательство будут царить среди людей? Как долго разлад будет волновать общество?.."

"Мы находимся - пишет другой мыслитель, Шоги Эффенди, - или перед лицом мировой катастрофы, или, быть может, на заре более великой эры истины и мудрости... В такие времена умирают и рождаются религии".

В XIX веке, когда чистый источник религии везде был засорён суевериями и предрассудками, когда Восток был погружен во мрак религиозного фанатизма, а Запад охвачен лихорадкой шовинизма и агрессивного национализма, когда губительные силы разрастающегося кризиса подтачивали организм человечества и

самые дальновидные мыслители не подозревали наступления тех бедствий и потрясений, которые несла с собой и таила в себе хвалёная материалистическая цивилизация, на Востоке, в колыбели пророков, и явился Баха-Улла.

Баха-Улла определил болезнь человечества и вызвавшие её причины и прописал средства для его духовного оздоровления и спасения. Он провозгласил принципы и основы Нового Мирового Порядка, которому суждено заменить существующий разлагающийся порядок и установить на земле Царство Божье, обещанное Иисусом Христом и всеми прежними пророками.

Следует подчеркнуть, однако, что в отличие от тех религий, которые считают себя единственно истинными и конечными, учение Баха-Уллы утверждает, что божественное откровение прогрессивно, и что через определённые периоды являлись и будут являться пророки, носители откровения.

Религия, основанная Баха-Уллой, - религия нашей эпохи, и её принципы и законы отвечают всем запросам человечества на данной стадии развития.

Одним из основных принципов бахаизма является единство человеческого рода. /"Шатёр единения воздвигнут; не смотрите друг на друга как на чужих. Все вы плоды одного дерева и листья одной ветви"./

Среди основных принципов и единство всех религий /"Религия призвана объединять сердца и души... Если религия становится причиной ненависти и разногласия, то лучше быть без неё. Религия, не ведущая к любви и единству, не есть религия"/, а также самостоятельное исследование истины /Для достижения истины надо отказаться от слепого подражания какому бы то ни было авторитету, освободиться от предрассудков и предубеждений, унаследованных от предков, следовать велению разума и совести, исследовать и искать истину/.

Принципами бахаизма заинтересовались виднейшие учёные и писатели: крупнейший востоковед Венгерской академии Вамбери, известный учёный-энтамолог доктор Август Форель /"Я стал бахаистом. Пусть эта религия долго живёт и процветает на благо человечества. Это моё самое горячее желание"/, профессор Кембриджского университета Э.Браун, профессор Софийского университета Димитрий Казаров, профессор Пражского университета Ян Рипка, крупный историк Арнольд Тойнби.

Особый интерес к бахаизму проявлял и Лев Толстой. В письме к Изабелле Гриневской он писал, что учение бабистов /так раньше называли эту религию в честь юноши, назвавшего себя Бабом, что значит "врата". По термином "Баб" он подразумевал то, что является предтечей более могущественного носителя божественного откровения/ имеет большое будущее, поскольку придерживается основных фундаментальных идей братства, равенства и любви.

В 1908 году Толстой писал Фридун Хану Бадалбекову, что учение Баба, нашедшее своё дальнейшее развитие в писаниях Баха-Уллы, "представляет из себя одно из самых высоких и чистых религиозных учений".

Бахаистская вера обладает великой философией, которую настоящее поколение ещё не в силах осмыслить, - Лев Николаевич высказал эту мысль в начале XX века.

И хочется искренне верить, что человечество спустя почти столетие окажется способным постичь мудрую философию бахаистской веры и спасёт мир от катастрофы.

Киев, 1990 г.

Пять лет назад я попытался вспомнить и записать кое-что из того, что мне довелось испытать ещё раньше, то есть в 1979 - 1980 годы. Это было для меня временем наиболее активного участия в, пожалуй, самом необычном, часто ругаемом и преследуемом властями молодёжном движении тех лет, что, впрочем, для описываемых событий имеет лишь косвенное значение, и было бы не совсем верным судить по этим запискам о достаточно разнородном движении в целом. Скажу только, что оказался я в этой среде уже со своими, можно сказать, сложившимися убеждениями, и потому всё, с чем я сталкивался в жизни, служило лишь их проверке и испытанию, о чём разве можно сожалеть? - Напротив.

ГЕОРГИЙ МЕЙТИН

ДВА ЛЕТА

/ Окончание /*

О валдайских событиях 1979 года уже большей частью забыли, а то, что иногда вспоминается, скорее похоже на легенды. Мне же случилось быть тут непосредственным участником.

Итак, в тот, казалось бы, беспросветный год определённая часть молодёжи, как это было и раньше, искала общения - причём общения не внутри лишь одного города, но междугороднего. Это были прежде всего те, кто назывались хиппи, некоторая часть студентов, художники и музыканты. Между Москвой и Ленинградом, в Валдайском районе, была найдена покинутая деревня. В ней и собирались некоторое время пожить.

Так что недели через две я вновь собрал сумку, прикрыл шапкой остриженную в Симферополе голову и отправился в путь.

До Валдая я предполагал добраться за два дня, но получилось даже скорее. Один водитель вёз меня очень долго. Он почти сразу спросил, не верующий ли я, и так у нас завязался разговор. На мой вопрос, как он относится к религии, он ответил, что никак. Но поскольку он проявлял интерес, беседа продолжалась и углублялась. Мы говорили о смысле жизни. Я же после крымских происшествий был полон энергии, и через несколько часов мы уже во многом имели единомыслие. Он был согласен, что жизнь имеет духовный источник, что жить надо по совести, что именно в этом благо: поступать с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой.

---

* Начало см. в "ЯП" №№ [illegible].

К вечеру я прибыл в Валдай. Сам городок находился в стороне от трассы. На шоссе была лишь столовая. За столовой начиналась просёлочная дорога, по которой надо было добираться до деревни. Но я не хотел спешить и решил дождаться приезжающих, а пока переночевать где-нибудь в стоге сена. Я перекусил в столовой и направился в городок посмотреть, каков он.

Едва я сделал несколько шагов, как услышал за спиной:

- Эй! Стой! Ты что, не слышишь? Тебе говорят!

Но я продолжал спокойно идти. И действительно я не мог быть уверен, что эти окрики обращены ко мне.

Меня догнали. ДНД. Спросили паспорт.

- Но в чём дело? - Впрочем, я и так уже понимал.

- Проверка, - ответили мне.

- И что же, это у вас всегда такие проверки? - при этом я вынул паспорт. - А то этак вас можно принять за хулиганов,- пошутил я.

- Не-ет, - засмеялся один из них, - мы не хулиганы. Просто тут должны многие без документов приехать. Бродяги.

Вот, значит, как им объяснили! Таким образом, я уже стал сомневаться, что удастся кого-нибудь встретить. Разве что - в милиции.

Я дошёл до самого городка. Буквально все кругом были пьяны и шатались. Поскольку я шёл прямо - наверное очень выделялся,Поэтому подъехал патрульный автобус, и ко мне выбежали из него несколько человек, один из которых был в милицейской форме.

- Документы! Что тут делаешь?!

Я показал паспорт и сказал, что тут проездом, так как действительно, в городке я был проездом. Когда мне вернули паспорт, я спросил:

- И это всегда у вас такие проверки? Или что-то случилось особенное?

- Нет, всегда,- сказал неправду милиционер.

Убедившись, что нас здесь серьёзно ожидают, я поспешил из города и хотел скорее найти стог сена. Случайно я оказался в чьих-то владениях /кажется,там было пастбище/. Из дома выбежал хозяин и закричал - не помню что.

- Извините,- сказал я, - вы не подскажете, где тут можно пройти?

Хозяин почему-то удивился и спокойно показал дорогу. Я поблагодарил и скоро выбрался из города.

Уже было темно, и стог сена я нашёл с большим трудом. Только я успел зарыться в него, как послышался шум мотора, и блеснули огни фар. Машина остановилась совсем близко, и я услышал голос:

- Здесь никого нет, поехали дальше.

Той ночью было холодно, и я не мог заснуть.

Наутро я осторожно вышел к автомобильной трассе и решил ждать приезжающих. Первым, кого я увидел, был мой знакомый из Москвы. Я подошёл к нему, рассказал о вчерашнем. Но пока патруля не было видно, и мы остались стоять у столовой. Следующими приехали двое наших друзей из Вильнюса и из Иркутска. В течение ещё двух-трёх часов собрались человек пятнадцать - в том числе и студенты архитектурного института. Учитывая обстановку и то, что студентам таким образом могли быть из-за милиции большие неприятности, мы посоветовали им не искушать судьбу. Они уехали. Оставшиеся направились по просёлочной дороге к покинутой деревне. А трое, приехавшие утром первыми,

ещё один человек из Москвы и я решили подождать других. И мы сели на автобусной остановке.

Далее произошло то, к чему всё шло. Подъехал милиционер на мотоцикле, забрал наши паспорта, в подъехавшую патрульную машину поместили наши вещи и нас самих /кого-то посадили в коляску мотоцикла/ и повезли в городок.

Отделение милиции помещалось в двухэтажном здании из белого кирпича. Таблички у входа извещали, что: ОВД - первый этаж, ГАИ - первый этаж, КГБ - второй этаж. Вначале нас оставили сидеть в большой прихожей. Проходившие через неё работники милиции, увидев нас, выражали громкое удивление.

- Кто это такие? - спросила одна женщина.

Человек интеллигентного вида, видимо гордясь своей осведомлённостью, ответил:

- Это советские хиппи.

Наверное он был со второго этажа или из Москвы.

А мы тем временем думали, как себя вести. И мнения разделились: одни считали, что надо говорить, что ехали из Москвы в Ленинград или наоборот, другие /в том числе и я/ считали, что так говорить не надо, что и так уже всё известно, и лучше прямо заявлять, что да, приехали, чтобы встретиться.

Через некоторое время нас стали вызывать по одному на второй этаж. Следователь там вёл себя в высшей степени вежливо. Предложено было объяснить, как я оказался в Валдае. Я дал ответ, что приехал для того, чтобы встретиться с друзьями, но вдаваться в какие бы то ни было подробности отказался, и следователь по этому поводу выразил сожаление.

Между тем, приводили всё новых приезжих. Работники милиции ужасались: "Ещё привезли! Довольно уже! Ну, сколько можно!" Они были в смятении и не знали, что со всеми нами делать. Можно себе представить: отделение милиции маленького городка вдруг стало ареной таких событий - казалось, что оно невольно стало центром паломничества из многих городов всей нестандартной молодёжи.

Многие из приводимых были мне знакомы, и встречи были очень радостны. А то, что все мы были в одинаковом положении, добавляло какую-то особую восторженность. Двое приехали даже со своими детьми.

По ошибке сюда привели и одного человека, который никакого отношения к встрече не имел, - он просто ехал на попутной машине, которая подобрала по пути и одного хиппи. И теперь это человек был очень напуган и не понимал, что происходит и чего милиционеры от него хотят.

В общей сложности в отделении милиции собралось человек двадцать. Тогда милицейское начальство спохватилось, что больше они не выдержат, и устроили посты по обе стороны от Валдая на трассе Москва - Ленинград. Там всех подозрительных высаживали из машин, переписывали и отправляли в обратную сторону. Пульт в дежурной комнате шумел без перерыва, с постов шли всё новые сообщения: "Двое. Один с бородой, другой с сумкой" и так далее.

Сколько же всего народу ехало на Валдай? Позже какие-то легенды утверждали, что человек было около двухсот, другие - что даже триста. Но это, конечно, преувеличения. Думаю, не ошибусь, если ограничу это количество до ста. Но всё равно, эта встреча предполагала быть одной из самых массовых в те годы. Слух о деревне распространился очень быстро и многих потянул в путь. Власти усмотрели в этом какой-то криминал и по-

старались сделать всё возможное, чтобы н е д о п у с т и т ь.

После того, как все задержанные дали свои объяснения на втором этаже /одни заявляли, что приехали на встречу, другие - что оказались тут совершенно случайно/, всех вывели на улицу. Затем назвали пять фамилий - в том числе и мою. Нас пятерых ввели в дежурную комнату. /Мы были те, кого первыми забрали на автобусной остановке/. Произвели поверхностный обыск и отправили в маленькую комнатку, соседнюю с дежурной. Над дверью была большая щель, так что мы всё слышали, что происходит, и даже видели. Видели, как один из сотрудников милиции подкрался к окну и подслушивает, о чём говорят наши друзья на улице. На пульт продолжали поступать сообщения с постов. Кроме того, зачем-то связывались с приёмником станции Бологое.

Под вечер всех остальных отпустили. К нам зашёл тот милиционер, который первый подъехал на мотоцикле к столовой. Мы спросили, что с нами собираются делать. Он ответитл, что не знает. В чём наша вина он тоже не мог сказать.

- Я ничего против вас не имею. Но такое уж распоряжение, - ответил он.

Позже привели одну грубую женщину. О ней говорили, что она угнала грузовик. И ещё привели девочку из Вильнюса. Она где-то в пути потеряла паспорт. Оказалось такое совпадение, что в Симферополе в приёмнике была именно она, когда я слышал голос с литовским акцентом. Но тогда у неё паспорт ещё был.

И вот мы сидели на полу и разговаривали. У кого-то оказалось несколько книг, среди которых, помню, и Генри Торо "Уолден или жизнь в лесу". Так что скучать не приходилось.

Наутро у нас переписали все вещи, произвели усиленный обыск, отняли даже расчёски. Мы потались требовать, чтобы нам объяснили, на каком основании всё это делается.

- По санкции прокурора, - был ответ.

Объяснять точнее они не стали и распределили по камерам. А одного москвича - очевидно потому, что он имел самый нестандартный вид, - отправили в психиатрическую больницу в какой-то другой городок Новгородской области.

Вчетвером мы оказались в одной камере, а девочка из Вильнюса и та женщина - в другой. Теперь я всё воспринимал не так необычно, как в Симферополе. Камера была довольно светлая. На стенах и на дверях - где только возможно - было выцарапано, кто на какой срок был осуждён и по какой статье. В промежутках были нацарапаны грубые слова.

И началась наша жизнь в камере - вместо жизни в лесу.

Утром нам дали по кружке кипятка /в дальнейшем давали что-то вроде чая, немного подслащённого/. В обед нам дали ошпаренный рис с котлетой. /Из нас четверых - трое оказались вегетарианцами. Мясо ел только иркутянин/. Кроме того, выдавали в сутки на человека по полбуханки хлеба и ещё по кусочку. Голодать не приходилось.

Иногда мы тихонько пели песни. Если начинали петь громко, то обычно открывалась "кормушка", и надзиратель кричал,чтобы прекратили. Но вообще-то некоторые из надзирателей относились к нам хорошо и даже с интересом. Интерес их можно понять: в кои-то веки и в валдайской милиции приключилось что-то, внёсшее свежие впечатление в их повседневное однообразие. Они угощали курящих сигаретами /а среди нас были двое, а потом и трое курильщиков/. От них же мы узнавали, что происходит за стенами камеры - в частности, что того москвича отпустили из

больницы на следующий день. Ещё мы узнали, что для поисков деревни был использован вертолёт.

Уже позже нам стало известно, как развивались события далее. На подступах к Валдаю на постах продолжали высаживать из машин всех равлять назад всех волосатых, бородатых и одетых не по стандарту. И всё же четырнадцать человек сумели добраться до деревни. Где-то через неделю, с большим трудом, по бездорожью к ним приехала милицейская машина. Собрали у всех паспорта и сказали, чтобы приходили за ними в отделение милиции. Но люди не торопились и пожили в деревне ещё некоторое время, и только тогда пришли за документами и разъехались по городам. Вот, собственно, и всё. Так просто закончились нашумевшие в своё время валдайские события.

Закончились - но только не для нас. И никто не знал толком, что с нами. Мы же сидели в камере валдайской милиции и предполагали сначала, что через трое суток нас отпустят, ведь задерживать дольше,вроде бы,не полагалось. Когда эти три дня прошли, мы стали стучать в дверь, требуя начальника отделения. Когда же наконец надзиратель позвал дежурного, тот стал кричать и угрожать, говоря, что будем сидеть столько, сколько понадобится. Из этого следовал вывод, что мы не просто задержанные, а осуждённые, как мы решили, на десять или пятнадцать суток. Надо сказать, что мы это восприняли не очень тяжело, без отчаяния. Было только жаль, что проходит время, которое хотелось использовать иначе.

Как я уже сказал, камера была хорошая - сюда проникал даже солнечный свет. Только по стенам бегали тараканы,а ночью нас кусали клопы. Но всё это было терпимо. О чём мы тогда говорили, я уже не помню, но запомнилось мне, что на память о своём пребывании там мы нарисовали на стене камеры маленький пацифик, цветы и написали - МИР.

На шестые сутки надзиратель сказал, что нас, наверное, отправят в приёмник.

- И как долго нас там будут держать?

- Пока не установят личность. Дня два-три.

Это нас даже обрадовало.

Около полудня нашего иркутянина вызвали из камеры. Скоро от надзирателя мы узнали, что его отпустили. Мы радостно запели, ожидая, что такая судьба ожидает и нас. Но прошло полчаса - за нами никто не приходил; час, два - и никакого движения. Надзиратель сообщил, что нас всё же отправят в приёмник в Старую Руссу. А иркутянину было ещё только семнадцать лет, и его не могли поместить во взрослый приёмник. Так что решили, наверное, не создавать себе лишних хлопот с детским приёмником и просто отпустили.

А к нам в камеру теперь привели парня лет двадцати восьми. Когда закрыли за ним дверь, он первым делом разжал кулак и показал деньги, которые не нашли при обыске. Там было около рубля. Он был очень доволен, что провёл надзирателей, и долго об этом говорил. Потом мы познакомились. Кажется его звали Сергеем. Он говорил, что возвращался из Ачинска, где отбывал срок. На станции, то есть в Валдае, вышел и отстал от поезда, к тому же пьяный.

Мы почувствовали некоторую скованность.

Вечером нас всех вывели из камеры и привели в дежурную комнату. Сюда же привели девочку из Литвы и ту женщину, которую обвиняли в угоне грузовика. Кроме того, здесь же был задержаный недавно старик. Нам вернули под расписку вещи и посадили в машину. Паспорта наш и ещё какие-то бумаги дали одному из сопровождавшего нас конвоя.

И привезли нас на станцию. После недели, проведённой в камере, в тот момент нам было очень хорошо. Радостно было видеть оживление на перроне, людей, одетых не в милицейскую форму, и вдыхать прохладный вечерний воздух. Вот, как всё познаётся в сравнении! То, что не замечалось в обыденной жизни, сейчас ощущалось с особой глубиной.

Подошёл поезд "Москва - Таллинн". Нас провели в тамбур. Проводница была недовольна: ещё бы - каких-то преступников везут в её вагоне! Но ехать нам было даже весело, что-то напоминало наши путешествия, и казалось, что вот так бы и ехать до самого Таллинна.

На станции Старая Русса нас передали надзирателям приёмника. Кто-то поспешил купить спички и курево в ларьке. Нас погрузили в машину и повезли в другой конец города. В темноте ничего не было видно. Потом куда-то привели. Я помню длинные тёмные коридоры.

Нас всех зарегистрировали, потом переписали вещи. Обыск был чрезвычайно строгим. Женщин обыскивала какая-то грубая бабка в белом халате. Опять-таки забирали и расчёски и зубные щётки. Единственное, что у меня оставили в кармане - это носовой платок. Курильщикам оставили их папиросы. У старика оставили ещё бывший у него сахар.

Затем нас повели по мрачным коридорам. Открывались и запирались засовы: вначале на тяжёлых деревянных дверях, затем на решётке, отделявшей коридор. Там, по обе стороны, были двери камер. Нас закрыли. Снова в камере - вместе с Сергеем, возвращавшемся из Ачинска, и стариком - нас оказалось пятеро.

Было совсем темно и холодно. Кажется там было окно,и стекло было разбито. В соседней камере кто-то колотил в дверь.Надзиратель из другого конца коридора кричал на него. Тот продолжал стучаться. Было слышно, что надзиратель подошёл к той двери и открыл "кормушку".

- Ты шо кричишь?!
- Дай воды, слушай.
- Ты шо кричишь?! Не понятно, шо-ли?!
- Горло пересохло!
- Ну и подыхай! - и надзиратель захлопнул окошко.

Мне - и думаю, не только мне - стало жутко от такого обращения. Боже, как огрубеть душой должны были здесь люди! Как забыли в себе всё самое лучшее! И что будет со мной в этом мраке ненависти - не сломаюсь ли я, не обозлюсь ли взаимно на всех и всё? Я чувствовал, что это - начало новых больших испытаний.

Утром нас перевели в другую камеру. Там горела довольно яркая лампочка, но окна не было вовсе, - только три керамические трубки для вентиляции. Но размером камера была меньше, чем валдайская, - около восьми квадратных метров, половину из которых занимали нары, то есть досчатый пол, на несколько десятков сантиметров выше остального.

Позже я узнал, что эта тюрьма была построена ещё во времена Екатерины. Всё тут было очень внушительно - особенно длинные тёмные коридоры, перегороженные решётками. Стены были очень толстые, как в крепости. Ещё в коридоре у входа была клетка. А в камере ничего не было, только в углу стояло то,что называется парашей, причём, она была какого-то очень устаревшего образца, чугунная, - так и казалось, что ещё с тех времён.

Я один остался некурящий, и когда все начинали дымить, я

чувствовал себя не очень хорошо.

Старик, оказывается, уже неоднократно бывал в приёмниках, бывал и на зонах, и на лечении от алкоголизма. Он же и сказал, что"два-три дня" в приёмниках не держат, но, как правило, не меньше двадцати. Старик очень кашлял, говорил, что у него туберкулёз, но всё курил и курил.

Перспектива просидеть здесь несколько недель нас сильно встревожила. Но мы всё же надеялись, что будет как-то иначе.

И вот, в обеденное время, нас по очереди стали вызывать к следователю приёмника "на дознание". Опять мне задавали обычные в таких случаях вопросы: фамилия? имя? отчество? год рождения? и так далее. Потом я спросил, какое время меня здесь будут держать.

- Вот мы пошлём запрос по месту жительства. Кроме того, сейчас возьмём отпечатки пальцев и пошлём один экземпляр туда же, другой - в Новгород, третий - в Москву. Пока всё проверят, пришлют ответ...

- Так за сколько же всё-таки дней всё уладится?

- Ну, может быть, десять, может - пятнадцать... Это не от нас зависит. Как уж сработают на местах.

- Но почему же нельзя просто позвонить и узнать? Ведь документы в порядке. На каком, собственно, основании нас сажать в приёмник?

- Есть санкция прокурора.

- Как же он может давать такие санкции?!

- Вобщем, если будет всё в порядке, выйдешь, когда придёт ответ.

И у меня стали брать отпечатки пальцев. Я лишь смутно помню лица тех милиционеров. Но помню, что разговаривали они очень пренебрежительно. Чувствовалось, что на людей они смотрят уже как на вещи, с которыми им ежедневно приходится иметь дело по службе. Когда у меня взяли все отпечатки на все три экземпляра, мне дали эти листы на подпись. Вверху было напечатано: "...задержанный за бродяжничествои попрошайничество..."

- Я это не могу подписать, - сказал я. - Это не соответствует истине. Какое бродяжничество, когда я только выехал из дому, и меня на следующий же день арестовали?! Не говоря уже о попрошайничестве...

- Да подписывай, если говорят! - они очень возмутились.

- Эту фразу надо зачеркнуть, - ответил я. - Только тогда я смогу подписать. Как же я могу подписывать то, чего нет на самом деле?

- Подписывай! Это стандартный бланк! Все подписывают!

- Нет, я не могу.

- Нет?! Ну что же. Ты нам не хочешь помочь, и мы тебе не поможем! Будешь сидеть месяц! И ещё больше!

Меня отвели обратно в камеру. Снова лязг засовов. Он эхом разносился по всем коридорам.

Месяц! Я был совсем не готов к этому. В отчаянии я лёг на нары и смотрел в потолок. Мучили сомнения: "Правильно ли я сделал, что отказался подписать? Может, всё же уступить?" Я был очень недалеко от этого. Больше всего мучила привязанность к надежде, что через два-три дня нас освободят. И тут эта надежда разбивалась!

Кажется, не подписал и ещё один из нас.

Через какой-то час мне удалось разобраться в своих жела-

ниях и принять новое положение. "Взбодрись! Не один ты страдаешь! И что такое месяц в сравнении с годами, которые люди томятся в узах во всём мире и во все времена?! Стыдно тебе должно быть!" После таких размышлений я воспрял духом и больше не отчаивался, хотя минуты уныния и бывали.

В обед нам дали через кормушку в дверях по полбуханки с кусочком хлеба на сутки, затем - по миске супа. Обед привозили из какой-то столовой. Но в супе плавало что-то мясное, и мы не стали его есть. На второе была каша. И ещё по кружке странного чая. А кружки были алюминиевые, очень нагревались,и невозможно было пить, пока немного не остынут. Утром и вечером, как и в Валдае, был только чай.

После обеда, и особенно вечером, становилось нечем дышать. Четверо курили, в камере было сыро, душно и потно, из угла шла вонь. Всё это смешивалось в камере и не выветривалось. Это ужасно, но когда нас утром и вечером /насчёт вечера я даже не помню/ выводили "на оправку", то в зловонии туалета нам дышалось легче, чем в нашей камере. А воздух мрачных коридоров вообще казался блаженством. На второй день я почувствовал боль в лёгких. Это оттого, что я слишком глубоко дышал, когда вообще не надо было дышать. Но через пару дней боли прошли. Утром я просыпался первым. Это было самое лучшее время: ещё не было накурено, и воздух казался терпимым, что я старался использовать как можно лучше. Я разминался, делая несколько упражнений. Потом днём и особенно к вечеру я старался дышать как можно меньше. Таким образом боли в лёгких прекратились и больше не повторялись. Иногда мы старались встать под вентиляционной трубкой. Если на улице был ветер, то удавалось иногда уловить несколько глотков воздуха, но при безветрии становилось совсем плохо. Потом лёгкие болели периодически у всех. Только Сергей держался. А старик всё время хрипел и кашлял.

Из-за сильной влажности в камере на лицо и руки постоянно липла пыль. Пыли было очень много. Мы становились грязными. Но в душ нас, к сожалению, не водили. Как мог, я старался содержать себя в чистоте. Когда нас утром водили к крану с водой /не помню, чтобы давали нам мыло/, я старался тщательно мыть руки повыше, лицо и шею. Платочком, который у меня остался, чистил зубы. Чувствовалось, что чистоту поддерживать очень важно.

Так шли дни в Старой Руссе. По утрам из соседней камеры выводили на работу суточников. Потом бывал обход не то начальника приёмника, не то ещё кого-то. У него, помнится, было очень сытое лицо. Он называл фамилии и отмечал что-то у себя. Если к нему обращались с вопросом, он делал вид, что не слышит, поворачивался к нам спиной и поскорее уходил.

В "Правилах", которые мы успели где-то прочесть, когда у нас брали отпечатки пальцев, значилось, что задержанные в приёмниках имеют право держать при себе письменные принадлежности, газеты и книги. Мы бы хотели читать Генри Торо, книга которого была в чьей-то сумке, но нам не давали. Да, чтение было бы очень кстати. Но и письменных принадлежностей нам не давали.

Старик и Сергей стали нас учить какой-то тюремной игре. Я не помню, как она называлась, мне она казалась неинтересной, и я в неё не играл. Но там что-то расчерчивали на нарах, клали в квадратики половинки спичек и катали кубик, сделанный из мятого хлеба, смешанного с пеплом от сигарет.

Время от времени слышалось эхо шагов надзирателя. Изредка он заглядывал в камеру через глазок в двери. Иногда из женской камеры водили кого-то мыть полы в коридоре. Из другого котридора тоже иногда слышались шаги. Там были следственные камеры. Около четырёх часов дня, после скрипа открываемых и закрываемых засовов и замков слышался звон алюминиевых мисок. Затем открывали кормушку. В это время камера чуть-чуть проветривалась. Пищу разносил кто-то, наботавший перед этим в Казахстане на шабашке и потерявший там паспорт. Несколько раз мы пробовали есть суп, но там всегда оказывались кусочки сала или костей. Тогда мы - в последствии лишь вдвоём - ели только кашу и хлеб.

Потом истёк срок того человека с шабашки, ему выписали какой-то документ. А на кухню резать хлеб и разливать по мискам суп несколько дней брали старика из нашей камеры. За это ему давали дополнительно хлеб. Но этого ему показалось мало,он сделал попытку своровать ещё. После этого его на кухню больше не пускали.

Он был откуда-то из этих мест. Много пил, развёлся с женой. Последний раз, после очередной отсидки, ему дали направление в колхоз. Но он хотел жить в городе, говоря, что он не колхозник. И теперь он бродяжничал и по-прежнему пил. И сколько таких людей, сломавшихся в жизни, утративших всякую веру, всякую надежду!

Дни проходили медленно в этой вынужденной праздности.Чувствовалась и нехватка движения. Ходить было негде - лишь два шага вперёд и два шага назад. Да и, кроме утренних часов, лучше было сидеть спокойно: чем больше движения, тем глубже дыхание, а это в той атмосфере было вредно. Когда кому-нибудь становилось плохо, начинали стучать в дверь и говорили надзирателю, что надо врача. Но чаще всего он оставлял это без внимания. Только два раза вызывали всё же скорую помощь: один раз для старика, другой - для москвича. Кололи какое-то лекарство и уезжали. Всё это было ужасно.

Единственное достоинство камеры было в отсутствии клопов и тараканов. Куда там! Для них это был слишком суровый климат.

Но как бы мне ни было тяжело как некурящему, это не сравнить с мучениями курильщиков, когда у них кончалось курево.Каждую табачную пылинку они подбирали. Выклянчивали у надзирателей, и некоторые давали иногда одну сигарету. Однажды чуть не получиласт драка. Старик ночью тайком стал курить. Я проснулся от громких разбирательств.

-Нервы сдали, - оправдывался старик.

- Я тебе нервишки вправлю! В натуре! - кричал Сергей.

Но как-то обошлось.

Когда курево совсем кончалось, они вовсе не находили себе места. Вот уж действительно - на стену лезли. Ещё и ещё раз ковыряли все щели в стенах и в нарах в поисках табака, вытряхивали все карманы по нескольку раз. У старика карманов оказалось очень много: на нём было что-то около трёх пар брюк. Да, сколько лишних хлопот создают себе курильщики в обычной жизни, но в тюрьме это пристрастие причиняет им особое страдание. Лишний раз убедился, как хорошо не курить.

По "Правилам", находящиеся в приёмнике могут на переписанные с вещами деньги заказать купить курево и некоторые продукты. Наконец нам это разре[illegible]ли. Надо было написать заявле-

ния: кто, на какую сумму и что просит купить. Другие прежде всего писали сигареты, потом - сахар, маргарин, сухари. Я чувствовал, что больше всего есть потребность в зелени и спросил:

- А кочан капусты можно?

- Нет, - ответил дежурный, - можно только съедобное /1/.

Пришлось ограничиться съедобными сахаром и сухарями.

Один надзиратель должен был сходить в магазин. Меня отправили с ним помогать нести. Когда я оказался на улице, в лучах солнца, и вдохнул наконец свежий воздух, я прямо опьянел и, кажется, даже зашатался. Тогда подумал: "Ведь не ценил я этого раньше!".

В магазин мы ехали на машине. Помадив меня в крытый кузов, надзиратель закрыл за мной дверь ключем. Если не ошибаюсь, это была машина вытрезвителя; когда мы после магазина вернулись в машину, там в клетке был уже один пьяный.

В камере была обычная духота, и после улицы это отчаянно чувствовалось.

А дни тянулись медленно-медленно. Причём почти ни один разговор не сохранился в памяти. В основном вспоминали события лета, общих знакомых, строили планы на будущее. Помнится, однажды поздно вечером было слышно, что за стенами бушует гроза. И мы представляли, что если бы сейчас нас отпустили, мы были бы рады идти и под ливнем, и в ночном холоде /лето уже близилось к концу/. Но нас, конечно же, не отпускали.

Раз взяли Сергея на работу - пилить ветки деревьев. А насчёт нас троих,мы слышали, было распоряжение - какой-то начальник говорил:

- Хипов не выводить!

Когда Сергей вернулся через несколько часов, он принёс найденный кусочек карандаша. Мы этим воспользовались и нарисовали на стене и этой камеры маленький пацифик - символ мира.

Сергей рассказывал о своей жизни. Родом он был из Душанбе, но давно уже жил где-то в Новгородской области. Он много интересного вспоминал о Средней Азии. А живя здесь в каком-то городке, он, насколько я понял, взломал склад магазина, за что и был судим. Он также рассказывал о жизни и порядках на зонах и об Ачинске, где он был "на химии". Иногда он пел тюремные песни. Некоторые из них были проникнуты глубокой грустью, другие тоже живо передавали настроение. Но во всех была какая-то общая беспросветность. Причём обычно, чем веселее мотив - тем мрачнее содержание. Впрочем, грубых песен Сергей почти не пел, вероятно чувствуя, что нам это не нравится.

Помню, ещё был общий разговор о религии. Совсем плохо его помню. Сергей вспоминал какую-то церковь, какую-то иконку и соседа-баптиста. Его, вообще, не очень интересовал этот вопрос. А насчёт любви к врагам, казалось, не могло быть и речи. И он, и старик утверждали, что "с волками жить - по-волчьи выть". И конечно же ненависть ко всем работникам милиции - они даже не считаются за людей. Те, в свою очередь, отвечают взаимностью арестантам. Хотя трудно сказать, кто кому отвечает,но так разраслась эта взаимная ненависть, что вошла уже в традицию, стала привычной установкой.

Лёжа нарах, я думал: "Как же люди не замечают этот замкнутый круг? Непонимание рождает ненависть, ненависть рождает новую ненависть; так они раскручиваются всё сильнее и возвращаются к непониманию! Если один милиционер задерживает меня,не понимая зачем; если другой зол на меня, не понимая почему, то за что же я их, несчастных, буду ненавидеть?" Чувство обиды

проходило, когда я старался глубже понять. И так ясно было, что надо только прощать и не входить в этот замкнутый круг. "Почему я обижаюсь? Если посмотреть на жизнь их глазами - это ужасно! Надо жалеть их, видя их нищету, а не обижаться! Бедные вы мои!"

Это были очень хорошие моменты просветления. Но, признаюсь, не всегда это было так. И хотя прямой злобы я не испытывал, обида часто давала себя знать. Было тяжело.

Ещё я думал, лёжа на нарах: "С волками жить - по-волчьи выть". И этим принципом руководствуются далеко не только на зонах. Каждый, кто стал "выть по-волчьи", тем самым даёт лишний повод другим поступать тем же образом. Так, скажем, кто-то забыл в себе человеческое, стал зверем. Другой, руководствуясь странным принципом, начинает подвывать - ведь с ним же жить! Третий видит уже двух и делает то же. И другой ещё. Каждый смотрит на соседа, видит в нём волка /ведь воет-то он по-волчьи/. Все кругом оказываются таковыми. И люди боятся друг друга, огрызаются, ненавидят, и забывают, что на самом деле они - люди! Нет, всегда, где бы и с кем бы ни жил, надо помнить об этом и быть человеком!"

Много о чём тогда пришлось передумать. Ещё больше - прочувствовать. Начинал ценить то, на что раньше и не очень-то обращал внимание.

А у Сергея пробуждалась какая-то внутренняя религиозность. Помню, однажды, после обеда все вдруг задремали, а мы с Сергеем тихо разговаривали. Он с грустью вспоминал свою жизнь - то хорошее, что в ней было, - и мечтал начать всё сначала. И мне очень хотелось, чтобы так оно и было.

Прошло дней двадцать, как нас задержали. Мы уже свыклись с тем, что придётся сидеть весь месяц. Каждый новый день мало чем отличался от предыдущего. Те же утренние обходы, начальник по-прежнему не отвечал на вопросы. По-прежнему открывалась и закрывалась кормушка, через которую нам давали хлеб и кашу. Эхо одиноких шагов иногда сменялось топотом, когда водили на работу суточников. А вообще, было очень тихо. Только однажды эти коридоры наполнились страшными криками. Это привели каких-то подвыпивших и, наверное для усмирения, посадили в клетку. Чего они только ни кричали! Самые грязные ругательства, и как можно громче. Так продолжалось несколько часов.

Где-то в те же дни стал появляться на дежурствах один новый надзиратель. Он был откуда-то из Средней Азии, и часто можно было слышать, как он напевает восточные песни. Он не кричал и, когда его просили, открывал кормушку, чтобы проветрить немного камеру. И заключённые ценили это и относились к нему лучше.

И на двадцать третьи сутки дежурил он. Открыв кормушку, он назвал мою фамилию. Я подошёл.

- Что бы ты сказал, если бы тебя сейчас отпустили? - спросил он.

- Это шутка?

Но надзиратель стал открывать засовы.

- Прощайся с друзьями.

Похоже было, что это не шутка. Я попрощался и вышел. Мне вернули вещи и выписали из приёмника. Даже не верилось!

Через день отпустили человека из Вильнюса, и ещё через несколько дней - москвича.

Так закончились для нас валдайские события, а заодно и

лето. Печально было, что так, казалось бы, впустую прошло время - тогда я ещё не понимал, сколько хороших плодов оно принесло.

Позже, в четверостишии одного поэта я прочёл примерно следующее: не надо стараться обойти или отбросить камни, которые встречаются на пути, - лучше постараться превратить их в ступени. Так вот вначале мне виделись только камни как досадные препятствия, и лишь через некоторое время я постепенно осознал, насколько они мне были необходимы. Но одновременно жаль было людей, которые поистине не ведают, что творят, и тех, кто не могут вырваться из круга ненависти. И ведь все - мои братья!

На следующий год, летом, я опять был в пути. Как и раньше, путешествовал один, без попутчиков. И вот, уже думая поворачивать обратно, я заехал в башкирский город Салават. Хотелось повидать знакомых, чем-то близких людей. Никого не застав дома, я решил побродить по улицам. В одном открытом дворе присел на скамейку отдохнуть. Достал из сумки атлас автомобильных дорог, стал смотреть его и вспоминать весь тот путь, который уже прошёл или проехал.

Это был год Московской Олимпиады. Поэтому я, не заезжая в ставшую закрытой по этому случаю Москву, поехал на Кавказ. Вспоминались встречи в Сальских степях с духоборами и молоканами - там у них когда-то были коммуны. Вспоминались горы и горцы, большей частью приветливые. Но однажды местные жители приняли меня почему-то за шпиона и чуть не устроили самосуд. Произошло это в связи с тем, что я шёл по дороге и смотрел атлас. Меня схватили и привезли в посёлок. Там меня расспрашивали, кричали и махали передо мной руками с южной горячностью. Среди прочих были и такие нелепые вопросы, как: где я прячу передатчик? Но потом пришёл уважаемый старец, выслушал дело и сказал, чтобы меня отпустили.

Вспоминался и Дагестан, и то, как хорошо удалось там с одним капитаном милиции найти общий, человеческий язык.

Далее следовали калмыцкие степи и солончаки, Астрахань, паромы на протоках дельты Волги и снова пески. Вспоминались верблюды, зной и чёрная пыль. Там же, в Ганюшкино, я встретил ещё одного странника. Он был из Литвы и направлялся в Улан-Удэ, к ламам. До Гурьева мы добирались вместе.

Потом - эта страшная жажда в гурьевских мёртвых степях, несмотря на то, что совсем недалеко река Урал. Маленькие смерчики носились по пескам, и пыльная взвесь постоянно налипала на руки, шею, лицо. Несмотря на то, что солнце было как бы за дымкой, зной был ужасный.

И вот, наконец, я был в Салавате. После пустыни это было так приятно: зелёная трава, деревья! Но ведь, не побывав в пустыне, я и не знал бы, как это хорошо - зелень...

Однако насколько люди боятся всего необычного! Как утратили доверие друг к другу! Вид сидящего на скамейке и листающего атлас странника показался кому-то подозрительным. Была вызвана милиция, о чём я не знал. И вот уже двое в форме спрашивают у меня документы. Я дал им паспорт.

- Что здесь делаешь?

- Сижу, отдыхаю.

- А это что у тебя?

- Посмотрите. Атлас автомобильных дорог.

Они полистали несколько страниц.

- А в Салавате что делаешь?

- Возвращаюсь с Кавказа. Решил и Башкирию посмотреть.

- Работаешь?

Я работал, но договорился, что, закончив все работы, которые мне дали, я получаю большой отпуск без содержания. Так что я мог честно отвечать, что работаю, а теперь в отпуске.

- Ну, пойдём в отделение. Там разберёмся.

И меня повели, сопровождаемого любопытствующими взглядами салаватцев.

В отделении милиции меня передали дежурному. Им оказался добродушный человек. Он посмотрел мой паспорт, задал несколько привычных вопросов, составил акт.

- Ну, что ж. Паспорт у тебя в порядке. Но вообще, когда человек направляется куда-то, он должен иметь или командировочные документы, или отпускное свидетельство. Туристу надо иметь маршрутный лист. А то как же путешествовать? Кто-нибудь скажет - подозрительный. И как тут докажешь? А вот если отпускное свидетельство, маршрутный лист - показал, и нет вопросов. Так что впредь запасайся всеми документами. На этот раз уж простим. Посиди маленько. Может, начальник уголовного розыска захочет с тобой поговорить.

Потом дежурный ушёл на обед. На его место пришёл другой. Он стал на меня кричать и задавать те же надоевшие вопросы, которые мне уже неоднократно задавали. Однако я старался отвечать как можно более спокойно, так что и новый дежурный скоро успокоился.

- Ну, погоди немного, - сказал он, - начальник придёт и тогда отпустит.

Так что я сидел на стуле и ждал.

Вся обстановка была мне очень знакома. На пульт поступали сообщения. Двери постоянно открывались и закрывались. Иногда кого-нибудь приводили и запирали в КПЗ. На меня особого внимания не обращали. Вид мой был не такой, как в Симферополе, волосы лишь немного длиннее, чем принято, борода тоже. Правда, рубашка моя была самодельная. И брезентовая сумка не очень соответствовала современным стандартам /кстати, содержимое её проверяли, но я уже не помню когда и при каких обстоятельствах/.

Наконец пришёл начальник. Он был в обычном костюме, высокий, спортивного вида. Как мне показалось, он сразу понял, что я из хиппи, а хиппи он не любил. Однако в кабинете невозмутимым тоном он повторил мне все бывшие ранее вопросы.

- В Салавате знаешь кого-нибудь? - спросил он наконец.

Я понимал, что он имеет в виду. Но не хотел никому причинять неприятности. Поэтому ответил, что не знаю. Это было нехорошо. Честнее было ответить, что да, знаю, но отказаться кого бы то ни было называть.

- Что ж, здесь мы тебя тормознём надолго. Придётся в приёмник, - так же невозмутимо заключил он.

В приёмник!!! Не может быть! Это после Старой Руссы-то! Но, видно, не многому я научился. Не научился принимать всё спокойно и как должное. Я был очень привязан к тому, что меня сейчас отпустят, к тому, чтобы не попасть больше в это заведение. И последние слова следователя как бы подкосили мой внутренний стержень. Мои желания расходились с обстоятельствами, и

поэтому я очень страдал. Я стал протестовать.

- Как же так, в приёмник? Ведь паспорт у меня в порядке.

Но тот что-то сказа всё тем же невозмутимым тоном, оставил паспорт у себя в столе и провёл меня снова в дежурную. Потом он куда-то ходил - наверное, оформлять ордер на арест. В дежурной комнате я сказал находившимся там, что меня собираются сажать в приёмник.

- Как же так? - Казалось, и они были удивлены.

Я был в отчаянии. Рушились все мои планы, и предстояло до осени сидеть в камере, ещё неизвестно какой.

Так я ждал в дежурной до позднего вечера, ещё питая надежду, что всё закончится как-то иначе. Но, как оказалось, суждено было испить ещё и эту горькую чашу. Меня посадили в милицейскую машину и отвезли на край города. Там был салаватский приёмник-распределитель.

Стали меня расспрашивать /или, как они говорят, "производить дознание"/, заполняли бланки. Была и графа: паспорт. У меня с собой паспорта не было, его оставил у себя начальник уголовного розыска. Я об этом заявил, но всё равно написали, что паспорта нет.

Дошли до графы: семейное положение.

- Холост? Правильно, зачем торопиться, - говорил один из милиционеров. - Зачем губить молодость? Так ведь? Женщин то любишь? В постельном смысле, - и он хитро подмигнул.

Пришлось и здесь объяснять, что считаю такие разговоры пошлостью. Из этого сделали вывод, что я "какой-то веры" и, кажется, поинтересовались, какой же именно. Я ответил, что никак не называюсь.

Между тем переписывали вещи, сделали обыск и, конечно же не оставили ни расчёски, ни зубной щётки, ни карандаша. Потом мне дали подписать соответствующий акт. А в нём, как и в Старой Руссе, значилось, что "задержан за бродяжничество и попрошайничество". Я снова отказался это подписывать.

- Тогда надо написать, что отказываешся, - сказали мне.

Я так и зделал, и это их не особенно обеспокоило. На это у меня ещё нашлись внутренние силы. Но вообще, я никак не мог примириться со всем случившимся - с моим новым арестом. Дежурный сказал, что завтра будет начальник приёмника, и что все претензии - к нему. А меня пока надо было запирать в камеру. Я чувствовал, что предпочёл бы одиночную, и сказал об этом, но меня, конечно, повели в общую.

Приёмник был небольшой, всего пять или шесть камер. Меня ввели в одну из них, сказали находившимся там: "Принимайте!" и закрыли за мной дверь. Приглядевшись, я различил в тусклом свете двух человек: один - лет тридцати пяти, другой - совсем старый. Меня спросили: кто я, откуда, как попал сюда. Я рассказал. Мои новые сокамерники были уже неоднократно судимыми людьми - особенно старик, у которого назавтра истекал срок приёмниковской отсидки, и его должны были отпускать.

А камера здесь была просторней, чем в Старой Руссе,-около двенадцати квадратных метров. Стены были покрыты крашеным в коричневый цвет острым щебнем. Окна не было, но стена, отделяющая нас от коридора, не достигала потолка, и к нам, таким образом, попадал воздух и бледный свет. В одном углу была жестяная выварка, в другом - деревянная тумбочка, и на ней ведро с водой и кружка. Пол был бетонный, но около половины камеры занимал досчатый настил - нары.

Была уже ночь, однако мне не спалось. Настроение было прескверное.

Наутро к свету коридорной лампочки прибавился и дневной свет, проникавший через ту же щель под потолком. Послышался лязг засовов. Выводили на оправку женщин. Их камера была напротив слева. Всего действующими в то время оказались лишь эти две камеры. Затем выводили нас. Потом давали по кружке чая. Всё это было уже знакомо.

Через пару часов снова шум. Меня вызывают, ведут на улицу и сажают в машину. Ещё сажают несколько женщин, залезает надзиратель, и нас везут куда-то - как оказалось, в венерическую больницу, берут соответствующие анализы. К обеду я снова в камере.

Суп, казалось, был без мяса, и я его поел. Но на второе была лапша, перемешанная с мясной подливой. Пришлось ограничиться хлебом.

Пришли отпускать старика - о нём говорили, что это известный зэк. За ним вывели снова меня. На этот раз - к начальнику. Те же вопросы, что и вечером, только подробнее: где работаю и тому подобное. У меня была ещё надежда, но она не оправдалась.

- Когда же меня отпустят? - спросил я.

- Когда всё выяснится. Но в любом случае, больше тридцати дней мы держать не можем.

Он говорил это совсем просто. Конечно, для него это - привычное дело, но для меня - !

Я стал говорить, что совершенно не согласен с арестом, что это даже противозаконно. Он же ответил, что есть санкция прокурора, и уже ничего не изменить, но, может быть, дело уладится не за месяц, а скорее.

Когда я вернулся в камеру, всё казалось так ужасно. Ну, никак не мог я примириться. Я утратил внутреннее равновесие. Мучил же я себя сам - привязанностью к своим планам, желаниям. Легко, однако, об этом рассуждать теперь, вспоминая, но тогда всё было иначе. Я не находил себе места.

Через некоторое время я постучал в дверь и просил надзирателя передать его начальству, что я объявляю голодрвку. Тот ответил, что передать, конечно, может, но это наврядли что-нибудь изменит.

Я решил голодать, пока не решат меня отпустить. До этого я ни разу не голодал больше суток. Я не знал, как перенесу голодовку, и чем вообще всё закончится. Как бы то ни было, к вечеру я почувствовал слабость - наверное потому, что так настроился и думал об этом.

А поздно-поздно вечером дверь открыл один из тех надзирателей, кто принимал меня в это заведение. Он повёл меня снимать отпечатки польцев. А между тем, я уже шатался. Надзиратель положил на стол несколько бланков, доску с типографской краской. Он был очень печальный.

- Да, наверное ты прав, - сказал он, тяжело вздыхая, и, пока занимался моими отпечатками, рассказывал грустную историю о том, что его девушка ушла к другому. /Только я не понял, в чём именно я прав/.

Когда дело дошло до подписи, я снова написал, что не согласен с формулировкой о "паразитическом образе жизни" /или ещё что-то подобное/.

Так началась моя жизнь в Салавате.

На другой день утром я отказался от чая, днём - от обеда.

Только воду пил. Надзиратели уговаривали меня, чтобы я прекратил голодовку. Пришёл начальник. Сказал, что надо написать соответствующее заявление, и дали несколько листов бумаги и карандаш. Я, с трудом сидя на нарах, написал, что объявляю голодовку в знак протеста против незаконного ареста. Этого мне показалось мало, и я стал писать ещё какие-то заявления и протесты. Впрочем, думаю, ни одно из них так и не вышло за стены приёмника. Потом карандаш забрали.

Последующие дни я помню, как в какой-то дымке. Тем, кто когда-либо специально занимались голоданием, известно, что в это время надо чаще бывать на воздухе, больше ходить. Совсем другое дело - голодовка в тюрьме. В камере постоянно был табачный дым, полумрак. А от долгого сидения начинали болеть спина и шея. Тогда я ложился, но лежать тоже было больно: и без того небольшая жировая прослойка исчезла, и от досок на всех боках уже были синяки. Я старался ходить. Здесь - в отличие от Старой Руссы, где в одну сторону можно было делать только два шага, - было чуть больше места. Так всё время и чередовалось.

В течение следующих дней в камере появились ещё несколько человек. Двое были совсем молодые, но один из них уже судимый; не то в Ишимбае, не то в Стерлитамаке их забрали в вытрезвитель, а документов не оказалось. Один был из Уфы. Кто-то был привезён и через день уже отпущен. Он был очень грязный. Мне показалось, что по лбу у него пробежало какое-то насекомое.

Становилось довольно шумно, и это тоже трудно было переносить. Хотелось в одиночную камеру, в тишину. Но главное - все вокруг курили. И так продолжалось обычно до поздней ночи. Все эти дни я не мог заснуть: вечером мешали разговоры, а под утро я, голодающий, начинал мёрзнуть, да и лежать было больно. Так что около пяти суток я вообще не спал /хотя, может быть, за всё время и удалось один раз вздремнуть на пару часов/.

По определённым дням в приёмник приходила врач. К ней в кабинет водили на осмотр, и можно представить, какой я имел вид. Но врач оказалсь очень сострадательным человеком. Она с искренней жалостью сокрушалась по поводу того, что я ничего не ем. Но я сказал, что голодовку буду продолжать.

- Вот, до чего довели человека! - с упрёком сказала она надзирателям.

Я был ей благодарен за её участие.

Ещё очень переживала повариха, которая привозила из столовой обед.

- Ай, ай, ай! Такой худенький! Как же так? Совсем доведёшь себя! Ай, ай, ай! - причитала она.

В эти дни разговоров в камере я не помню, но, вроде бы, относились ко мне с уважением. И всё же было мучительно: сижу - устал, лёг - опять не могу. С каждый днём я ходил всё больше, но что такое - четыре шага?! Голода, как такового, не чувствовалось. Однако я стал понимать, что какой-нибудь сырой корень - морковь, например, - уже пища, причём очень ценная. Для разминки я делал и некоторые упражнения - тогда становилось лучше.

- Ну я балдею! - сказал уфимец. - Ты что, святым духом питаешься? Я, когда на зоне объявлял голодовку, на третьи сутки уже с нар не мог подняться. А этот на шестые сутки ещё физкультурой занимается!

Это было утром. А в полдень пришёл начальник и бодрым голосом сказал:

– Всё в порядке! Не завтра, так послезавтра поедешь домой. Так что начинай питаться, набирайся сил. А то как же поедешь? Сделаешь шаг и упадёшь.

Радостное это было известие. Я сразу же взбодрился. Завтра или послезавтра! Можно было начать восстанавливаться. Но чем? Ни соков, ни фруктов и овощей в приёмнике, разумеется, не было. Принесённый на обед суп был без мяса, но всё равно, выходить из голодовки, начиная с пересоленного рассольника, – не лучшее. Однако выбора не было, и я съел три ложки супа. С первых же глотков я почувствовал, как возвращается сила. Но хватило воли на то, чтобы для первого раза этим ограничиться. Вечером я пил чай и съел, хорошо пережевав, кусочек хлеба.

В ту ночь я, наверное, вперые намного поспал. Наутро же почувствовал сильный аппетит. Но от избытка вчерашней соли и отсутствия каких бы то ни было витаминов было не очень хорошо, даже болели ноги.

После чая произошло нечто новое: нас повели во двор на работу. Меня тоже вывели, чтобы я побыл на воздухе. Это было очень кстати. Я ходил по двору и наслаждался солнцем.

У проходящего начальника приёмника я спросил, когда же меня отпустят. Он ответитл, что наверное завтра – пока ответ не приходил.

Заключённые из мужской камеры сколачивали какие-то щиты. А женщина мыла полу в кабинетах. За это ей дали две булочки и вырёное яйцо. Женщина подошла ко мне. Она была ещё довольно молодая, но уже вся посиневшая от алкоголя. Всем было известно, что я объявлял голодовку, и что теперь меня собираются освободить.

– Похудел-то как! – сказала она хриплым голосом. – Теперь надо кушать. На. Хочешь? Бери.

– Спасибо, но не надо. Я ещё не могу это есть. Но ничего, всё хорошо, – ответил я ей.

Было, однако, радостно видеть, что в этих людях сохранились какие-то религиозные чувства. Часто они где-то глубоко-глубоко – так, что кажется, их и нет. Но из этих глубин они иногда всплывают. Как хорошо, когда есть чувство сострадания и готовность поделиться!

В камере тоже ко мне проявляли большое участие. И повариха, привозившая обед, тоже была довольна – говорила, что теперь нужно лучше питаться. Я спросил у неё, не найдётся ли листик сырок капусты. Она обещала принести в следующий раз. И принесла, но вместо капустного листа – солёный огурец и чеснок. Но всё равно я был благодарен.

Когда заглядывал начальник, я повторял свой вопрос. Он отвечал, что со дня на день отпустят – как только придёт ответ. Только через неделю я понял, что меня просто обманули, чтобы я прекратил голодовку. Но уже и времени много прошло, уже и естественным путём меня вскоре могли выписать, и я уже голодовку не повторял.

Так продолжалась жизнь в салаватском приёмнике. Надо отдать ему должное: раз в неделю водили в душ, почти каждый день нам давали ведро с тряпкой, чтобы мыли камеру, так что было там сравнительно чисто. Иногда ним давали подшивки газет "Комсомольская правда" и "Известия", если не ошибаюсь. В камере от праздности хотелось читать, но в полумраке скоро начинали

болеть глаза, да и спина, и шея ныли от усталости. Я предпочёл бы находиться в одиночной камере и просто углубиться в размышления.

Постепенно я почти примирился со своей участью. Было даже немного стыдно, что из-за какого-то месяца я так переживаю, когда люди годами сидят.

Лёжа на нарах, я вспоминал путешествие, знакомых, прошедшие годы. Вспоминалось море, лес, и очень захотелось побродить по дюнам."Ведь как это хорошо - идти, находить черничные полянки и собирать ягоды!" - думалось мне. Как раз вспомнил, что перед отъездом меня звали на ягоды. И всё больше и больше понимал, сколько различных мелочей я раньше не замечал, а вот здесь начинаю ценить. Уже одни только солнце и небо - какое это богатство! Тем более, что во двор меня больше не выводили.

Но что теперь мучило от праздности - это постоянное чувство голода. Ел я уже всё, что мог, но часто суп был сварен на костях, или макароны оказывались с мясной подливой. Тогда я ел только хлеб с чаем.

А народу прибывало всё больше. В основном все попадались из-за пьянки. В камере становилось тесно. Не помню точно, сколько нас было, но где-то до десяти.

Однажды один вновь прибывший достал из кармана бутылку одеколона, которую при обыске каким-то образом не нашли. Что тут началось! Почти все как с ума посходили. Стали разбавлять одеколон водой и пить.

- Ты же сам доказывал, что это плохо, - говорил я одному из них.

- Да. Но что же тут делать ещё? - отвечал он и тоже пил.

Потом у них это всё пошло обратно, и всю ночь в камере висел резкий запах одеколона, перемешанного с желудочным соком и частично переваренной пищей.

Но такое случилось только один раз.

Обычно к вечеру наступало наибольшее оживление, и шли наиболее шумные разговоры. Курили, играли в игру с хлебными кубиками. Я почти не участвовал в разговорах, лишь иногда - если что-нибудь спрашивали. Но мне хотелось лучше понять моих сокамерников, чем они живут. Поэтому я тоже иногда их расспрашивал о подробностях жизни в тюрьмах и в зонах, и, конечно, многое довелось услышать.

А в камере напротив уже больше месяца сидела женщина из Ростова, за которой должны были прислать оттуда конвой; её дело было передано в суд. Впрочем, она уже бывала судима. И она иногда в полную силу, страшным голосом кричала тюремные песни, причём самые ужасные. Но моим сокамерникам эти песни нравились.

Все в камере курили, кроме меня и одного колхозника. Он, как говорили, привёз в город продавать свинину и оказался без документов. Причём, вроде бы, он продавал мясо неофициально. Его несколько раз водили на допрос и, говорят, даже били. Никого другого за всё это время не ударили ни разу, а колхознику и здесь не повезло. Сидя в камере, он всё переживал, что теперь в колхозе самая страда, а он, комбайнёр, находится в заключении. Наконец за ним приехала жена, и его отпустили.

Между тем, курево, как и следовало ожидать, однажды кончилось. Один из молодых парней решил бросить курить. Я старался поддержать его, и он действительно три дня не курил. А заключённые сидели злые, мрачные, ругались. Скребли по всем щелям между досками, собирая табак по крупице. Потом решили, что под нарами можно найти больше, и отодрали одну доску. Там тоже

наскребли немного. Кроме этой пыли под нарами оказался тетрадный лист со стихотворением. Я взял его и сохранил. Когда вся пыль была выкурена, заключённые стали ещё мрачнее. Колотили в дверь, грозились объявить голодовку. Я ещё раз имел возможность убедиться, как всё же хорошо не курить! От стольких страданий я был освобождён таким образом! Это понимали и остальные, говорили: "Тебе хорошо!", и тоже выражали желание когда-нибудь бросить, но "что в камере ещё делать?" В конце концов разрешили отовариться, и курение продолжалось. И тот парень, который несколько дней уже не курил, снова не мог удержаться. Когда все разом курили, очертания камеры из-за дыма становились едва различимыми, но всё же, к счастью, вентиляция здесь была несколько лучше, чем в Старой Руссе.

Мне же всё больше хотелось о одиночную камеру. После того, как я постепенно перестал негодовать по поводу моего ареста, восстановился ровный ход мыслей. А времени для размышлений было достаточно. О чём я только тогда не передумал! Главное, я вдруг особенно ярко осознал, как много мне люди сделали добра. Эти мысли были как бы продолжением разговора в симферопольской больнице, только теперь гораздо шире и глубже. Мне вспоминались один за другим случаи, когда совершенно незнакомые люди оказывали мне самую разнообразную помощь. Так в пути - сколько водителей бескорыстно везли меня в машинах, сколько людей давали мне кров, как часто мне хотели помочь деньгами, хотя я и не просил, и, наконец, сколько <u>просто добрых слов</u> поддерживали во мне силы во время странствий! Конечно, бывало и другое, бывало - и, вероятно, даже значительно чаще - что в пути меня злословили и провожали ненавистными взглядами, и сколько водителей проезжали мимо, когда я, изнемогая от усталости и жажды, шёл по дорогам и поднимал руку перед приближающейся машиной! Но всё это как-то забывалось, а в памяти оставалась благодарность, и это было хорошо. Однако чаще всего я не мог именно этим людям отплатить тем же добром. И вот тогда-то - на тюремных нарах - я ещё раз ощутил единство жизни. Жизнь как бы открылась мне во всех своих разнообразных проявлениях из Единого Источника. Кто видит себя в единстве с этим Источником, кто чувствует свою жизнь как проявление той же Великой Жизни, которая проявляется во всём, тот живёт с Богом и для Бога. Как же тут не увидеть во всех своих братьев?! Как тут не радоваться и не благодарить за всё?! Как жаль, что многие не желают этого ощутить, что кто-то, например, замкнулся между своим имуществом и карьерой соседа, которой он завидует, и всё это причиняет ему страдание и не позволяет видеть дальше. Поистине, это мучительно. Когда человек ощущает себя как совершенно отдельное существо, то что ему до других? Услуга за услугу, и ничего больше. Те же, кто хотя бы неосознанно ощущают единство с другими в чём-то, что они никак не называют, - просто чувствуют благо в том, чтобы помочь другому. Хотя всё бывает в человеке очень перемешано: и зависть, и корысть, и страх, и в то же время иногда желание просто так послужить кому-то - просто потому, что в эту минуту хорошее настроение. Это подвинулась слегка завеса его сердца. Чем больше она отодвигается, тем светлее и радост-

нее человеку на душе. Тогда неважно, знакомый человек или нет, всё кажется едино. Это жизнь в Боге и служение Ему в каждом. Поистине, это Путь Жизни! Я же ощущал в себе ещё достаточно эгоистического и ещё достаточно нелюбви. Как сильно я был привязан к своему желанию не попасть в приёмник! И как я при этом относился к людям в милицейской форме? Но что я могу - это стремиться к тому, в чём вижу благо.

К сожалению, не могу припомнить всего, о чём тогда передумал. Но уже тогда мне хотелось записать некоторые мысли. Писать, правда, было почти не на чем - лишь маленькие обрывки бумаги, как, например, поля газет. Да и карандаша в нашей камере не было. И, конечно, не все мои мысли были столь возвышенны; в последнее время было постоянное чувство голода, и часто вполне прозаически думалось о том, когда же привезут обед? К счастью, это не могло заглушить всё остальное.

А потом карандаш всё же появился.

В женской камере была одна заключённая откуда-то с Кавказа. Однажды, когда нас вели через коридор, а в женской камере была открыта кормушка, она выглянула и позвала:

- Эй! - обратилась она к надзирателю, - посади к нам знаешь кого? Вон того, с бородкой.

Но, разумеется, надзиратель этого не сделал. Пошутил лишь:

- Он с голодовки и на ногах-то еле держится.

Когда перед обедом снова открыли кормушки, мои сокамерники смотрели в коридор и перекидывались шутками с обитательницами соседней камеры. Я сидел на нарах, но меня позвали, сказав, что со мной хотят поговорить. Я подошёл к двери. Женщина с Кавказа о чём-то меня спрашивала, но я совсем не помню, о чём. Однако я спросил, между прочим, нет ли у них лишнего кусочка карандаша. Она обещала мне передать. И, спасибо, передала. Хотя это был совсем маленький, что называется, огрызок, я теперь имел возможность делать кое-какие записи.

Как-то в камеру посадили одного парня в новом костюме. Это было очень необычно - в отутюженной одежде сидеть в приёмнике. Парень оказался из Астрахани. Несмотря на большие различия, у нас всё же находилось о чём поговорить, тем более, что он оказался довольно начитанным. Часто наши разговоры касались смысла жизни и других религиозных вопросов. Другие обитатели камеры тоже иногда что-нибудь спрашивали, но, в основном, о второстепенном. Были там и несколько татар. Они считали себя мусульманами, говорили, что их родители что-то соблюдали, сами же они об исламе ничего не знали. А я говорил о том, что основа везде одна. И один только раз эта тема стала общей беседой.

А между тем, в салаватском приёмнике мне пришлось испытать ещё одну неприятность. Ещё во время голодовки я стал иногда чувствовать, что по голове у меня кто-то бегает. Потом я обнаружил, что это и есть те самые вши, которых я никогда раньше не видел. Поскольку не было расчёски, они размножались очень быстро. Я вспомнил, что у одного человека, который был в камере всего один день, кто-то

бегал по лбу. Как бу то ни было, теперь я знал, что это такое. И скоро все в камере обнаружили вшей у себя. Надзиратели вывели нас лишний раз в душ, сказали постирать одежду, но до стражки не доходило.

Однажды из другого крыла приёиника стали слышны крики. Кто-то, посаженный в одиночную камеру, постоянно колотил в дверь. Скоро стало известно, что это "химик". Среди надзирателей ходили разговоры, что он симулирует. Потом его перевели к нам. У него был опухший глаз, который он тёр ещё сильнее. Он хотел в госпиталь. Кажется, в конце концов он всё же попал туда.

Одновременно началось какое-то оживление: кого-то отпускали, кого-то привозили новых. Я чувствовал, что скоро, наверное, и мой черёд придёт. И не ошибся. Как-то утром надзиратель сказал одному из находившихся в камере собираться и добавил, что сегодня так же и меня отпустят. Хотя я уже более или менее смирился со своей участью, это слышать было очень радостно. Сразу представилась улица, по которой я иду без конвоя и дышу полной грудью. Кто-то дал мне записку, чтобы, когда я выйду, отправил бы её в письме его семье.

И вот - это было на двадцать первый день - дверь открылать, и мне предложили собираться. Я попрощался и пошёл. Ещё предстояли формальности. И тут я заметил ехидную улыбку дежурного.

- Так ты говоришь, что работаешь? - спросил он. - Ну-ну!

Как позже выяснилось, ко мне на роботу пришли из милиции, директор испугался и уволил меня задним числом. /Между прочим, ему сказали, что я бродяжничаю без паспорта/. Так что я попал в неловкое положение: получалось, что насчёт работы я обманывал. Но тогда я ещё ничего не знал. Попробовал было возразить, но - бесполезно.

И наконец, отдав мне вещи и заполнив очередную бумагу, мне дали её для подписи. И, конечно, формулировка - о бродяжничестве и попрошайничестве - была прежняя. Я теперь не помню, как же я поступил в том случае: или вычеркнул эти слова, или написал внизу, что "ознакомлен", но не подтвердил согласия с тем, что написано.

Потом меня отвезли на машине в отделение милиции к начальнику уголовного розыска за паспортом. А дежурный был тот же, что и в тот день, когда меня задержали. Он очень удивился, что я так долго сидел в приёмнике. Может быть, он даже пожалет тогода, что не отпустил меня сразу.

Ну, вот и всё. Наконец я шёл по улице, слегка пошатываясь от непривычки и слабости. Купил конверт и исполнил просьбу бывшего сокамерника.

Произошла ещё радостная встреча с моими салаватскими знакомыми. Они привели меня домой, побрызгали аэрозолью, и я хорошенько помылся. Это действительно была очень радостная встреча. Но и это познаётся в сравнении.

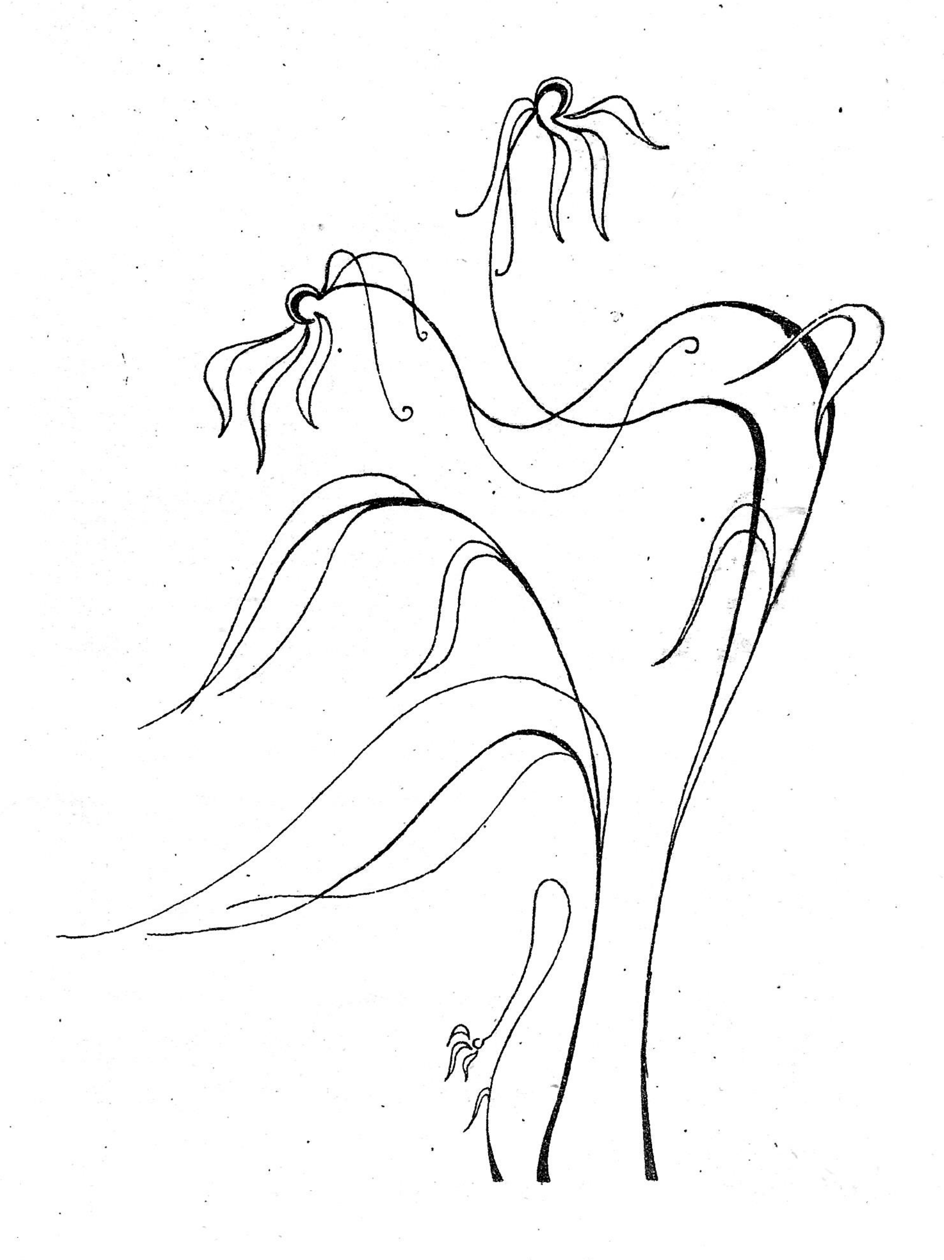
Вернувшись в Ригу, я прежде всего поголодал ещё двое суток, и потом уже стал восстанавливаться заново.

И у меня не было больше сожаления, что снова прошёл

через приёмник. Я ещё раз осознал, что всё было во благо. Ведь многое довелось мне таким образом понять, многое прочувствовать, оценить. И это был ещё один урок того, что не надо привязываться к своим планам и желаниям, но быть готовым идти прямым путём через все испытания.

И ещё я на практике убедился, что действительно можно обходиться без ненависти и не отвечать злом за зло. В эти два лета я получил достаточно возможностей, чтобы испытать это на себе, хотя слышать приходилось и об историях гораздо ужасней. Того, кто представляется врагом, нужно и можно любить, как об этом говорится в Нагорной проповеди. Если же тот своей ненавистью заставляет возненавидеть в ответ - это поражение. И не надо никого отождествлять с абсолютным злом. Я верю, что в каждом человеке есть доброе, что все - братья, все - дети Божьи. А если многие и полны злобы, то лишь из-за непонимания или из-за того, что кто-то вызвал в них жестокость своей жестокостью: в любом случае - по несчастию, ведь этим самым они несчастны. Всегда нужно лишь постараться понять человека - отчего он такой, почему он скрывает от себя свет, почему его жизнь такая мрачная. И как же после этого не пожалеть его? Когда же мы становимся способны к сожалению, состраданию и желанию человеку блага - мы уже любим. Это не догмат, но древний совет, как идти светлой дорогой и побеждать то, что называется злом. Разумеется, чтобы это понять, вовсе не обязательно каждому попадать в тюрьму; на каждом шагу мы сталкиваемся с людьми - с людьми разными, которые вдруг да скажут что-нибудь обидное или как-то иначе причинят неприятность. Вот тут и забота, чтобы не ответить тем же, чтобы постараться понять и простить. Но я всё же благодарен, что мне довелось испытать это в таких не совсем обычных ситуациях, которые я здесь в записях и попытался вспомнить.

1986 г.

Ю. ВЛАДЕВ

ОРИЕНТИРЫ

Эти заметки начали появляться у меня приблизительно с 1970 года /вместо дневника/. Это отголоски общения и разговоров с разными людьми, чтения книг, мои краткие из них выводы-заключения, а также собственные "открытия" того, что уже было мне знакомо, но ещё не стало родственным, и отрицание противоположного. Так что моими ориентирами являются не сами по себе эти заметки, а то, чем они вызваны, то, чем окрашены эти отклики на важные и, казалось бы, мелкие явления жизни. А заметки это, скорее, выражение реакции на ориентиры и попытки определить самочувствие, когда направление пути стало осознанным.

Кто считает, что обрёл истину и живёт праведно, - уже изжил себя, уже пришёл. Ему некуда идти, ибо от истины не уходят. Ему незачем совершенствоваться, ибо праведность - верх совершенства. Это конец, духовный плен и духовная смерть. Эгоизм может быть ужасающе ленивым и слепым, если ему позволить замкнуться в себе и принизить духовные потребности к своему примитивному уровню.

Иные видят в жизни только карнавал, в котором их привлекает всё внешнее нарядное и приятное. При таком взгляде можно не заметить, даже оттолкнуть от себя разум и любовь, чьи лица, лишённые привлекательных масок, могут быть

Продолжение. Начало см. "ЯП" №№ 9-10.

искажены гримассой боли. Нет в жизни горше неудачи - пройти мимо жизни.

Нужно за всё быть благодарным жизни, даже за боль. Боль для благодарных целебна, ибо удаляет злокачественность и восстанавливает силы. Только благодарные способны осмыслить жизнь. Удел неблагодарных - страх за себя или за близких, то есть опять-таки за себя. А что для человека пагубнее страха, обессмысливающего жизнь?

Быть счастливым и учиться чему-нибудь хорошему и нужному - понятия весьма близкие и взаимозависимые. Важно то, что каждый день быть счастливым оказывается в моей власти, потому что ежедневно могу чему-то доброму учиться.

Почти всегда желание в ы г л я д е т ь хорошим является серьёзной помехой стремлению с т а т ь хорошим. Начавшись с детского послушания, когда мы ещё лишены возможности защищать себя, это несоответствие между видимостью и действительностью с возрастом приводит к тому, ч о мы привыкаем пренебрегать собой ради мнения окружающих о себе.

Внутренняя несвобода и внешнюю свободу норовит превратить в рабство. И наоборот: внутреняя свобода и внешнее рабство превращает в свободу, если человек готов всё отдать за неё. Мы получаем обратно то, что даём. К нам извне приходит то, что мы можем услышать внутренним слухом и на что способны откликнуться внутренним голосом.

Страшен бывает тот, кто враждует, ещё страшнее предатель и клеветник. Трудно обезопасить себя от вражды, предательства или клеветы, но можно как бы обезвредить и не бояться их, если больше себя любить Жизнь в себе и ту же Жизнь в мире и бескорыстно служить ей. Бескорыстие награждает неуязвимой силой.

Сочетание благочестия с презрением к людям, кем бы

и какими бы они ни были, - опаснейшее качество для его носителя. Такое сочетание обрекает человека на неискоренимую самовлюблённость и отдаёт его сознание под беспредельную влать эгоизма. Презрение к "плохим" людям способно преградить путь всякой действительной добродетели. /Отрицай не людей, а грехи/.

Не следует спешить наклеивать на себя эпитет, определяющий общественную прописку или идеологическую позицию. Чем дольше обходиться без такого эпитета-ярлыка, тем больше надежды, что эпитет будет достойным. Как правило, навязанный эпитет служит казённым клеймом.

Осуждать кого-то всегда совестно, так как право осуждать других даётся преувеличением собственных достоинств. Чужая вина должна побуждать освободиться от своих недостатков и стать поводом, если возможно, для помощи оступившемуся, хотя это особенно нелегко по отношению к обидчику. Но если слабость перетянет силу, то какова же сила?

Старость душевная - невосприятие истины только потому, что она новая. Это внешне скрытая болезнь пренебрежения разумом, остановка внутреннего, духовного развития. Её признаками являются самодостаточность, довольство собой, отсутствие сомнений в том, в чём видится истина, а значит - прекращение движения по пути, который представляется единственно необходимым, и бездоказательное отрицание новых мыслей из-за привычки к удобным старым представлениям.

Жалок и, бывает, страшен человек, видящий в своём страдании лишь злую несправедливость. Борясь или, как говорят, защищаясь злом против зла-страдания, такой человек сам превращается в источник зла для себя и окружающих.

Надо бы всегда помнить о смерти, которая отнимает у человека то, что стало ненужным, как скульптор, говорят, из глыбы камня удаляет лишнее. Кто не понял значения смерти, тот ещё не осмыслил жизни.

Есть в этом мире вместилище горькой печали - со злом и смертью. Вместилище это - человек. Есть в этом мире и средоточие неизбывной радости - вне зла и смерти. Средоточие это - тот же человек. Нужно только определить себя.

—

Человек не бывает только плохим или только хорошим. Поэтому противиться можно ошибкам, а не ошибающемуся человеку. Враждуя с человеком, противишся и тому хорошему, что в нём есть, и хорошему в себе.

—

В человеческом мире, в отличие от мира животных, кулаки, копыта, клыки являются принадлежностью боязливых натур, испытывающих страх и поэтому выработавших в себе агрессивную или так называемую оборонительную внутреннюю установку. Моральная установка добра - всегдашнее бесстрашное радушие.

—

- Мир не станет лучше, если я в ущерб себе буду хорошо поступать с другими - расхожее мнение. Но ведь если не весь мир, то сам станешь лучше, и это не ущерб, а польза. И миру тоже, ведь частица его станет лучше.

—

В намерениях или в оценке своего поведения оглядываться следует не столько на людей сколько на совесть. Люди могут чего-то не видеть, пока не понимать, а совесть всё видит и понимает, поэтому не ошибается.

—

Когда в мире грязнуль /предположим на минуты такой вымышленный мир/ находится хоть один человек, проникнутый идеей чистоты и ежедневно умывающийся, - санитарию можно считать жизненным явлением. Если в мире насильников /и такой мрачный мир можно представить/ найдётся хоть кто-нибудь, кто разделяет учение любви и осуществляет его в своей жизни, - учение это является свершившимся фактом. Для жизни идеи мало только её словесного признания пусть большинством людей, но достаточно воплощения хотя бы одним человеком.

—

Если кто-нибудь говорит, что согласен бы поступиться собой, не осуждать других, не противиться злу насилием, но не поступает так только потому, что это, мол, ни к чему не приведёт и ничего не изменит, ибо все остальные всё равно не прекратят насильничать, - то это явный и несомненный признак, что человек этот вообще пока не готов, ещё не считает для себя нужным не участвовать в зле и любить - чушь какая! - врагов, даже если бы все вокруг и стали бы поступать так. Кто почувствовал, что воровать, лгать, бандитствовать плохо, тот не смутится окружающими лгунами и бандитами. Вопрос лишь в том, считает ли человек своё решение несомненно присущим всему человечеству. Если считает, то временное одиночество не только не остановит его, но будет радовать как признак, что он свободно осуществляет в своей жизни правильный выбор, а не вынужденно следует стадному инстинкту.

—

Чтобы чувствовать себя полномочным представителем всеохватной Жизни, требуется внутренняя отстранённость от себя, называемая корыстными людьми глупостью, а христианами - самоотверженностью.

—

При сознании е д и н о - д у ш и я всех людей человек не знает духовного одиночества. При этом условии он чувствует себя каплей в океане всеобщей жизни и видит себя в каждом и каждого в себе.

—

Подобное причастно подобному. Моя жизнь-ручеёк стремит себя во всеобщую - в Океан. Жить истинно значит всеохватно, сочувственно радоваться даже жизни растений.

—

Чтобы ориентироваться в этом пёстром мире, встарь обращали внимание на положение внутренностей животного, на напрвление дыма, на слова оракула. Даже сейчас ещё многие обращаются к снам, картам, хиромантии, гороскопам и т.п. А ведь верная подсказка у каждого - совесть. Она никогда не соврёт, только не суетись, умей расслышать. Зачем костыли, когда здоровы ноги?

—

Легче верится в то, что нравится, чем в то, что больно обличает. К сожалению, правда мало популярна именно из-за несовпадения истинного и привлекательного. Недаром мы с готовностью желаемое называем истинным, не замечая обычной ошибки.

Люди и целые народы, участвующие в насильственной борьбе друг с другом, оправдывают свою деятельность отстаиванием и утверждением так называемой справедливости. Почему же в результате несправедливость в мире не исчезает, а лишь видоизменяется? Потому, должно быть, что человеческая справедливость в корне своём глубоко эгоистична, являясь одеждой себялюбия. А всякая победа в борьбе себялюбий устанавливает несправедливость. Скорее всего, высшая справедливость заключается в отказе от справедливости по отношению к себе. Только такой отказ утверждает вместо ненависти любовь.

Столкновение в борьбе двух зол является для каждого из них оправданием своего существования, ибо каждое считает себя праведным, а противное - вредным. В случае победы зла над злом победившее не уничтожает побеждённое, а вбирает его в себя, набухая и растворяясь. Не хочется, неприятно в серьёзных делах выбирать из двух зол меньшее, как советует расхожая мудрость: при выборе любого зла кажется, что делаешь добро.

В отличие от принадлежности к родине, к своей стране, патриотизм - любовь к "своему" государству - обрекает человека на эгоистическую слепоту. Казённая позиция, определяемая патриотизмом, порочна отсутствием нравственного выбора и поэтому попахивает безнравственностью. Любовь к родине не нуждается в пропаганде, любовь к государству без усиленной пропаганды заглохла бы. И чем менее государство заслуживает уважения, тем оно громче и настойчивее культивирует это массовое себялюбие, лживо называя себя отечеством. Стыдно говорить "я лучше всех", но похвальным считается крик "мы лучше всех". Так личный эгоизм находит для себя удобную почву в государственном эгоизме.

Когда думаешь, что сам лучше других, что вон те люди хуже, что они лишены каких-то хороших качеств, что им свойственны дурные поступки, и потому сердишься на них, - то, чаще всего, думаешь и, что печальнее всего, говоришь так потому, что менее искренен и более труслив, чем те, кого осуждаешь. Зло на других часто возникает из зависти, что не обладаешь такими же возможностями проявлять те же качества подобными же поступками. Хороший человек не сердится на других за плохие поступки, а испытывает жалость и готовность помочь им увидеть себя.

Быть праведником только потому, что не имел возможности согрешить, - невелика заслуга. А именно таким праведникам свойственно порицать других за ошибки. Вообще же праведность не склонна осуждать.

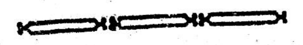
Когда нас учит кто-то, это утомляет и вызывает сопротивление. Когда учимся у кого-то, это доставляет удовольствие. То и другие - учёба, разница только в результате.

Чувство такта и меры должно подсказывать, что естественная потребность учиться, то есть распространять других на себя, ещё не даёт права учить, то есть распространять себя на других.

Из замечания Кьеркегора об отношении Евангелия к человеку и толпе можно заключить, что это качественно разные явления. Человек может захлебнуться и утонуть в потерявшей рассудок толпе, но способен и выплыть из неё к берегу разума. Если так, то стать человеком ценнее, чем остаться элементом толпы. Толпа всегда более или менее временна, а перед человеком - в каком-то смысле - открыта вечность.

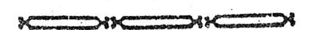
Недалёкие себялюбивые люди обычно считают, что тот,кто смог интеллектом подняться выше их уровня, тем самым унизил их. Куда уместнее другое. Кто возвысился, тот возвышает и тебя, ибо всё хорошее в мире общее, а не личное. Иди за ним, если можешь. Кто опустился, вот тот унижает и тебя, ибо всё плохое в мире тоже общее. Помоги ему, если можешь.

Не оставайся навсегда в какой-нибудь придорожной харчевне. Жизнь - не гостиница, а бесконечная дорога. И хлеб твой насущный, которого жаждешь, не в каком-то одном месте,а всюду - в дороге, в попутчиках, в тебе.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Адрес редакции: 226001, г.Рига-1, а/я-16.
Телефон: 27-31-28.

Редактор Георгий Мейтин.

Журнал издаётся с марта 1988 года.